

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

РЕКВИЕМ

В 1981 году в возрасте 28 лет он переступил порог “Нашего современника”, куда с помощью своего наставника и старшего друга Вадима Кожинова пришёл на работу, которая длилась почти 40 лет.

Целая жизнь прошла с той поры. В родном журнале он обучился редакционному делу у своих опытнейших и талантливейших собратьев по судьбе – у Олега Михайлова, у Александра Панарина и, конечно же, у Юрия Селезнёва.

Целая жизнь прошла с той поры, когда он в роковые 90-е метался по взбаламученной стране, и его метания по ней и раздумья о её судьбе воплотились в его книги – “Россия над бездной. Дневник современника. 1991–1996”, “На что мы променяли СССР?”, “Возвращение масс”, “Имитаторы. Иллюзия Великой России”...

Целая жизнь прошла с той поры, когда он становился и политиком, и мыслителем, и патриотом, и поэтом, и воспитателем нового поколения русских интеллигентов.

Целая жизнь прошла с той поры, когда он, начинавший свою творческую судьбу как добродушный русский либерал, постепенно расставался с друзьями юности, но не рвал духовные узы с ними, а со вздохом сожаления уходил к Сергею Кара-Мурзе, к Ксении Мяло, к Михаилу Лобанову... Именно на таком пути он познавал великую истину, заключенную в русской пословице – “дружба дружбой, а служба службой”.

Жизнь прошла для того, чтобы, окончательно повзрослев, он стал своеобразным примером для творческих поколений “Нашего современника”, её своеобразным вождём и воспитателем.

Прошла целая жизнь, в которой он ежегодно делал белорусский номер, укрепляя дружбу Белоруссии с Россией, столь нужную нам сегодня. Все номера журнала, посвящённые этой дружбе, проходили через его письменный стол и через его сердце...

Сторонник “мягкой силы” – он восхищался Василием Шукшиным и не раз говорил, что стал ощущать себя русским благодаря “Калине красной”.

Прошла жизнь, и он, написавший книги об истории России, обогащая наше литературное пространство стихами о Родине.

В 2018 году ему исполнилось 65 лет, и вот что сказали о нём в те дни наши авторы:

“Кажется, он, понимающий всю горестность и бессмыслицу нашей политической жизни, никогда не терял внутренней веры в то, что мы когда-нибудь справимся со всеми вызовами. Его внешне сдержанные,

но внутренне беспощадные статьи раз за разом говорили о противоположном: что шансов почти нет, что мы продали и предали слишком многое. Но посмотришь на него и думаешь: да нет, дядя Саша что-то знает такое. Все обойдётся. Вырулим” (Захар Прилепин).

“Есть пламенные публицисты, реально оценивающие события сегодняшнего дня. Есть удачливые предсказатели. Но мало кому удастся органически соединить три стихии – прошлого, настоящего и будущего в единое пространство Бытия и осмыслить, с молитвой, Русский Космос” (Д. Мизгулин).

“Вы восприняли уроки Вадима Кожинова, от которого я слышал о Вас много добрых слов. Причём восприняли не только как литературный критик, исследователь словесности, но и как исследователь жизни, публицист особого, кожиновского толка” (В. Кожемяко).

“... Буквально за несколько лет Александру Ивановичу удалось объединить вокруг “Нашего современника” наиболее талантливых представителей только входящего в литературу поколения, дав им возможность звучать на страницах литературного журнала” (А. Тимофеев).

А вот что сказал о Казинцеве задолго до его юбилея в 1996 году Вадим Кожинов:

“Чем замечательна сегодняшняя публицистика Александра Казинцева, привлекая внимание, вызывая такой интерес, если угодно, очаровывающая читателя? Прежде всего тем, что злободневность, постановка самых животрепещущих проблем сочетается в его произведениях с широким пониманием всего исторического развития России и мира. Тем, что яркие впечатления, вынесенные из гущи происходящих сегодня событий, постоянно соотносятся с вечными истинами. И всё это живёт, сливается в органический сплав в его лучших статьях”.

А Юрий Кузнецов так написал обо всех нас и, значит, об Александре Казинцеве:

*Жизнь прошла, так, значит, будь спокоен.
В общей схватке с многоликим злом
Ты владел не рукопашным боем,
Ты сражался духом и стихом.*

*В этот день, когда трясёт державу
Божий гнев и слышен визг и вой,
Назовут друзья тебя по праву
Ветераном Третьей Мировой*

*Бесам пораженья не внимая,
Мы по чарке выпьем горевой,
Потому что Третья Мировая
Началась до Первой Мировой.*

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КАЗИНЦЕВ
1953 – 2020

*Удивительно пахнет дождем —
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли...*

А. Казинцев

“ТЕПЕРЬ ВАША СУДЬБА РЕШЕНА”

Беседа обозревателя газеты “Завтра”
Владимира Винникова с Александром Казинцевым

Когда в середине сентября 2018 года я по заданию редакции созвонился с Александром Ивановичем Казинцевым и договорился о беседе с ним, которая должна была выйти ко дню его 65-летия, то, конечно, даже не подозревал о том, что по ряду причин всё изменится, и вместо неё в газете выйдет статья самого Александра Ивановича. Тем более, не подозревал, что пройдёт чуть более двух лет — и Казинцев уйдёт из жизни, не дожив даже до 68... Можно считать эту беседу поминальным венком на его могилу.

Вечная память!

“ЗАВТРА”: Александр Иванович, Вы – литературовед, критик, организатор литературного процесса, вот уже более 30 лет работаете заместителем главного редактора журнала “Наш современник”, можно сказать, что принимали непосредственное участие в судьбах тысяч публикаций и сотен их авторов. 4 октября Вы отмечаете своё 65-летие. Грех не воспользоваться таким замечательным поводом, чтобы не поговорить о пройденном вами жизненном и творческом пути, о людях, с которыми общались, о тех событиях и процессах в истории нашей страны, свидетелем и участником которых Вы были. Есть хорошая русская пословица: “Яблоко от яблоньки недалеко падает, да далеко закатывается”. Поэтому расскажите, если это не секрет, о своей семье, о своих корнях, о своём “родовом древе”.

Александр КАЗИНЦЕВ: Я родился в Москве, поэтому можно сказать, что коренной москвич, хотя матушка моя приехала в первопрестольную из Киева, а отец – из Воронежа. Они работали в авиационной промышленности, были инженерами. Но при этом отец увлекался живописью, писал картины, а стихией мамы была поэзия, она в начале 50-х годов ходила в студию “Молодой гвардии”, где царствовали Семён Гудзенко, Алексей Межиров и Наум Коржавин, который тогда был ещё Менделем. Так что семья была не без гуманитарных традиций, и, разумеется, у нас в доме было много книг: и специальных технических, и художественных. Окончил я спецшколу при Академии педагогических наук, это был такой экспериментальный советский Лицей с классами всех направлений, я учился в литературном. Понятное дело, что там преобладали “номенклатурные” дети из семей работников ЦК, дипломатов, высокопоставленных военных, чекистов, творческой “элиты” и так далее. Настрой в этой среде, был, сразу скажу, антисоветский, особенно после 1968 года, известных чехословацких событий. Кстати, у нас учились и чехи, но их сразу быстро куда-то эвакуировали... И, что меня тогда больше всего поражало, наиболее антисоветски настроенными были дети сотрудников КГБ и МИДа,

начиная от полковников и выше. Это была уже “Берёзка”, чеки, виски, джинсы, девушки – та самая “золотая молодёжь”, которая восхищалась всем западным, особенно американским, от музыки и фильмов до полётов на Луну.

“ЗАВТРА”: А в чём заключались их претензии к советской власти? В том, что всё это было нужно скрывать, что они не могли свободно пользоваться запретными, но сладкими плодами “загнивающего Запада”? И вообще, что они были достойны большего, чем ассортимент “Берёзок”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Конечно, большего. Намного большего! Ведь, понимаете, у человека всегда есть причины для недовольства своей жизнью, а следовательно – и тем миром, в котором ему приходится жить. С одной стороны, не хватало свободы, с другой стороны – справедливости, с третьей – прогресса, а добавок присутствовала ещё и некоторая, я бы сказал, сероватость, причём принципиальная сероватость советской жизни. И, наверное, – это же были молодые, энергичные и достаточно эрудированные люди, не загруженные какими-то бытовыми проблемами, – им хотелось чего-то яркого и необычного для себя. Как я сейчас думаю, нужно было тот же советский дискурс подавать всё-таки более разноцветно и разноформатно, но тогда об этом, к сожалению, совершенно не думали.

Закончил я школу в 1970 году – с нормальными, кстати, оценками, – и отец повёл меня знакомиться к проректору МГУ, который в ходе разговора поинтересовался, где я хочу учиться. Я сказал, что на журналистском факультете. “Почему?” – спросил он. “Потому что там учиться не надо!” – ответил я.

“ЗАВТРА”: Так Вы, значит, попали в МГУ по знакомству, “по благу”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Не думаю, что моя фамилия тогда перешла в какие-то “блатные” списки, учили нас в нашей спецшколе всё-таки очень качественно, поэтому речь, скорее, шла не о том, чтобы я мог успешно сдать вступительные экзамены и получить студенческий билет, а о каких-то более сложных и тонких статусных моментах. Ведь потом, на журфаке МГУ, я действительно почти не учился, зато почти всё своё время проводил в удивительно богатой университетской библиотеке имени Горького в Доме Пашкова на Моховой – почти столь же богатой, как и “Ленинка”, но тогда намного более демократичной и свободной в плане доступа к её фондам. Многие поэты Серебряного века – тот же Ходасевич, например, – у нас были в свободном доступе, а в “Ленинке” – в спецхране, и там всякого, кто проявлял к ним интерес, “брали на карандаш”. Надо сказать, что туда, в Ленинскую библиотеку, я ходил ещё лет с девяти-десяти – отец брал меня с собой, по моей просьбе, и проводил в читальные залы под тем предлогом, что вот ребёнка не с кем оставить. Сердобольные библиотекари, конечно же, пропускали. И я сразу просил отца заказать военные мемуары: Черчилля, Ллойд-Джорджа и так далее. С детства интересовался тем, что сегодня называют “нон-фикшн” – прямыми историческими свидетельствами, даже ходил по букинистическим магазинам и покупал там книги на свои “карманные” деньги. Моим любимым чтением были “Десять дней, которые потрясли мир” Джона Рида, и я до сих пор считаю эту книгу одним из величайших шедевров мировой публицистики.

“ЗАВТРА”: Видимо, этим детским интересом и объясняется Ваш выбор журналистики в качестве профессии, а не тем, что “учиться не надо”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Наверное, вы правы. Причём читал я настолько усердно, что, когда закончил аспирантуру и уже потерял право пользоваться университетской библиотекой, меня тамошние сотрудницы ещё больше года пускали в аспирантский зал, поскольку это было для них так необычно: студент, потом аспирант – и круглый год у них сидит, а не только перед сдачей экзаменов, перед сессиями, как обычно...

“ЗАВТРА”: Привыкли к Вам, словно к родному?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, наверное.

“ЗАВТРА”: Александр Иванович, время Вашей учёбы на журфаке МГУ пришлось ровно на первую половину 70-х годов, плюс три года аспирантуры – это уже 1978 год, так сказать, самый “расцвет застоя”, а деканом журфака МГУ уже с 1965 года был и по сей день остаётся известный

либерал Ясен Николаевич Засурский. Тогда атмосфера на журфаке тоже была, как и в Вашей спецшколе, антисоветской?

Александр КАЗИНЦЕВ: Нет, здесь уже было более выраженное разделение. На журфаке учились ребята и, как тогда говорили, “из провинции”, и после армии, “рабфаковцы”, которые поступили через подготовительные курсы. Вот они, как правило, свято блюли заветы Ленина и своих отцов-командиров. К тому же, самые “сливки” тогдашней советской “золотой молодёжи” шли не на журфак, а в более престижные вузы и на более престижные факультеты, в те сферы, где их родители могли помочь “хорошо устроиться”. Конечно, у нас было отделение международной журналистики – там, да, получали образование “элитные” дети. Но и на “обычном” журфаке была своя “либеральная среда”, с которой я, не скрою, очень тесно общался и во многом разделял её взгляды. В частности, в середине 70-х годов достаточно активно участвовал в известной “университетской” группе “Московское время”, где были Сергей Гандлевский, Бахыт Кенжеев, Алексей Цветков, Александр Сопровский и многие другие, впоследствии получившие определённую известность люди. Меня в той среде, видимо, и до сих пор считают “заблудшей овцой” и пару раз – но не больше! – каждый год упоминают как “тонкого критика” или что-то ещё в том же духе.

“ЗАВТРА”: То есть условная “виза” на “западную” сторону наших литературных и в целом – идеологических – баррикад для Вас ещё не закрыта?

Александр КАЗИНЦЕВ: По крайней мере, там делают вид, что не закрыта... Кстати, Засурский часто приводил к нам, студентам, многих писателей, артистов – хорошо помню встречу с Василием Аксёновым. Американцев приводил, Сола Беллоу, например. Но я бы не отнёс ни Василия Аксёнова к традиционной русской прозе, ни Сола Беллоу – к традиционной американской. Хотя, когда надо было, например, осудить Солженицына – на факультете проводились собрания, и все дружно “литературного власовца” осуждали: кто искренне, кто “с фигой в кармане”.

Должен сказать: не то, чтобы мне очень нравился Солженицын, но участвовать в мероприятиях подобного рода не любил и до сих пор не люблю, поскольку считаю себя вправе делать только то, что сам считаю нужным, а не то, что мне указывают. Поэтому решил с того собрания на журфаке уйти. Его организаторы, будучи людьми в таких делах опытными, на выходах из зала предусмотрительно поставили добровольцев-дружинников, чтобы подобных мне “дезертиров” останавливать. Но, видно, было в моём лице что-то такое, что сразу двое “стражей” предпочли меня “не заметить”. Я до сих пор полагаю, что намного честнее и эффективнее с писателями, художниками полемизировать на творческом, в крайнем случае – на медийном, а не на административно-политическом уровне.

Ведь посмотрите, как сегодня у нас утверждают культуру “новых русских”, эту постмодернистскую, неолиберальную культуру? Её утверждают именно на медийном уровне – и это гораздо более эффективно, а главное – гораздо более эффективно, чем какая-то “политическая оценка”, которую уже тогда никто особо всерьёз не воспринимал. А сейчас многие искренне считают, что Мураками или Пелевин – это настоящие вершины, ведь другой “карты современной литературы”, ни мировой, ни отечественной, у них на руках просто нет...

Только что я был на Московской книжной выставке, представлял там восьмой, “молодёжный” номер журнала “Наш современник”, который собирал от первой до последней страницы как лучшее, что есть в русской литературе, – и зал был полупустой, а рядом пела (заметьте, пела! никогда не знал, что она, оказывается, ещё и поёт) Людмила Петрушевская – и там яблоку негде было упасть!

“ЗАВТРА”: Может, если бы и Вы, Александр Иванович, устроили рядом своей аттракцион: запели, или фокусы стали показывать, или нарядились в костюм клоуна, – получился бы похожий эффект?

Александр КАЗИНЦЕВ: Понимаю ваш сарказм, но не разделяю его. Думаю, тут работает несколько иная схема – то, что Фрэнсис Бэкон в своё время называл “идолами площади”. Людям нравится то, что связывает их

с прошлым, что было когда-то популярным, что давно и прочно стало частью их собственной жизни. Кстати, и возрастной контингент посетителей Московской книжной выставки был, мягко говоря, “40+”. У нынешней молодёжи книга уже не в чести, и это огромная общекультурная проблема, связанная, прежде всего, с глобальным переходом от “бумаги” к “дисплею”.

“ЗАВТРА”: Сейчас нередко можно слышать фразу, которую приписывают то Ротшильду, то Рокфеллеру, – о том, что “люди, которые читают книги, всегда будут управлять людьми, которые смотрят телевизор”. Интернет же можно не только “смотреть”, но и “читать” – хотя, конечно, процесс чтения “электронной книги” сильно отличается от традиционного чтения книги “гутенберговской”, печатной. Но это отдельная большая тема, которую, может быть, стоит как-нибудь рассмотреть подробнее, особым чином. Сейчас же вернёмся к Вашей, Александр Иванович, биографии. Раз Вы попали после окончания журфака МГУ в аспирантуру, значит – получили “красный” диплом?

Александр КАЗИНЦЕВ. Нет, “красного” диплома я не получал. Получил обыкновенный, “синий”. Но очень громко защитил свою дипломную работу по эволюции художественного мышления Пушкина. Оппонировать – поскольку на факультете специалиста соответствующего профиля не было – пригласили уже очень пожилого и авторитетного доктора наук из Пушкинского дома, и мой научный руководитель, Эдуард Бабаев, поэт, друг Ахматовой, просил меня об одном: “Только не поднимайте глаза, когда будете докладывать!” Ну, я и не поднимал. Но когда заявил, что моя работа, где на многочисленных примерах доказывалось, что в пушкинской лирике количество героев постепенно уменьшается и, в конце концов, от единственного “лирического героя” переходит к прямым высказываниям поэта “от первого лица”, – что эта моя работа прокладывает новый путь в изучении творчества Пушкина, наш завкафедрой просто поперхнулся.

“ЗАВТРА”: А что оппонент? Не стал Вас “топить”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Оппонент был мэтром старой школы, поэтому сказал, что в позапрошлом году в Швейцарии была публикация такого-то пушкиниста, в которой высказывались сходные идеи; автор диплома, разумеется, с ней не знаком, поэтому напрасно “изобретает велосипед”, но имеет несомненные задатки исследователя, его работа заслуживает хорошей оценки, и так далее. А в аспирантуру меня пригласили – но не на кафедру русской литературы, где не было свободных мест, а на только что созданную кафедру критики, я был первым аспирантом этой кафедры, сам придумал себе тему диссертации, связанную с понятием творческой личности писателя, – и потом несколько лет кафедра успешно готовила аспирантов по этому, уже апробированному лекалу, но первый блин вышел комом, сам я не защитился. Моим научным руководителем была Галина Андреевна Белая, заведовал кафедрой Анатолий Георгиевич Бочаров, вместе с ним работали Юрий Суворов, Валентин Оскоцкий, – в общем, весьма спаянная группа единомышленников, которой я, что называется, не пришёлся ко двору. Тогда я, кстати, ещё не понимал причин подобного отношения, но, видимо, сыграл свою роль мой список литературы: там достаточно широко были представлены Бахтин, Кожин, славянофилы середины XIX века. А это были просто русофобы – неважно, под какими масками в данный конкретный момент они выступали: коммунистов, либералов, демократов или кого-то ещё. Тогда больших партийных “начётчиков”, чем эта компания, найти было невозможно. И они же потом стали самыми запредельными отрицателями всего советского периода в истории нашей страны – для них, кстати, Россия всегда была “этой страной”... Когда проходила предзащита, Оскоцкий сказал, что моя диссертация действует на него, словно красная тряпка на быка. Уже потом, когда я все-рьёз занимался формалистами 20–30-х годов XX века, я встретил у Бориса Энгельгардта, – кстати, единственного выходца из русских дворян в этой компании и единственного из них, кто занимался не теорией литературы, а теорией литературоведения, – чеканную фразу: “Мы элиминируем (то есть исключаем) из процесса художественного творчества творческую личность”. То есть вот некий текст, а кто его создал, зачем его создал, – совершенно неважно. Вот это как раз то, чего я категорически не приемлю... Никто не будет рожать и растить своего ребёнка специально для анатомического театра,

такой подход уничтожает всю литературу, всё искусство! Если я что-то пишу, то лишь потому, что хочу высказать наболевшее...

“ЗАВТРА”: “Глаголом жечь сердца людей...”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Ну, конечно! Литературное творчество неотделимо от творческой личности во всей её полноте, их нельзя отделять друг от друга! Поэтому мне так близок оказался Бахтин, который рассматривал литературу и искусство как особый вид диалога между людьми, и это, на мой взгляд, очень точное представление о художественном творчестве. Надо сказать, что ещё со школы я не только занимался учёбой и научными студиями, я ещё писал стихи, так что для меня всё это представляло не абстрактный интерес, а интерес очень живой, творческой. И в этом плане мне повезло: меня познакомили с очень талантливым молодым поэтом Владимиром Полетаевым. Мы с ним были почти ровесниками: ему было 17 лет, мне – 15, но Володя знал намного больше, особенно в том, что касалось мировой и русской поэзии, литературы. К сожалению, он покончил собой в неполные 19 лет. В 1983 году в Тбилиси вышла тоненькая книжка его стихов и переводов, в том числе с грузинского языка, он успел поступить в Литературный институт на переводческое отделение и отучился там почти два курса. Так вот, Полетаев успел познакомиться с Арсением Тарковским, и общение с двумя этими поэтами очень многое для меня значило. Как-то я спросил у Арсения Александровича, общался ли он с Блоком. В ответ услышал, что нет, не довелось, но с его близким другом Евгением Ивановым был хорошо знаком. А Иванов – тот самый человек, сестре которого посвящены знаменитые блоковские стихи “Под насыпью, во рву некошеном...” Понимаете, какая глубина литературная, культурная, жизненная может быть заключена в простых человеческих связях, в общении, какие незримые нити плетутся между людьми, через пространства и поколения?! И уже, вновь обращаясь ко дню текущему, скажу, что меня и удивляет, и удручает то, что сейчас эти нити обрываются, что память, связь времён оказываются никому не нужны, что люди, особенно наши дети, начинают жить только “здесь и сейчас”, в мире “лайков” и “френдов”... Могут говорить по тому же айфону, но предпочитают писать... Я уже говорил, что сейчас очень серьёзно работаю с молодёжью. Вот восьмой номер журнала “Наш современник” за 2018 год – это тридцать молодых прозаиков, поэтов, критиков, все они охотно принимают нашу помощь, но не проявляют никакого желания узнать больше ни о Тарковском, ни о Распутине, ни о Белове, ни о Солоухине, ни о ком-то ещё, – они даже не хотят общаться друг с другом, нет обратной связи, не воспроизводится та уникальная среда, в которой, собственно, и возникает литературный процесс. А это ведь – люди творческие, ищущие, талантливые... Что уж говорить об остальных? Они подчиняются этому медийному не то, чтобы влиянию, а прямому насилию – смотрите, как сломали коммуникативный тренд в той же Прибалтике, на той же Украине, да и в самой России! Ведь тираж нашего журнала, несмотря на все усилия, упал в сто двадцать раз: с 480 до 4 тысяч экземпляров...

“ЗАВТРА”: Это происходит сегодня со всеми “бумажными” изданиями, и газета “Завтра” здесь, Александр Иванович, тоже – не исключение. В этом смысле мы с вами напоминаем, наверное, двух динозавров, ведущих гипотетическую беседу незадолго до своего массового вымирания, – всё, “экологическая ниша” сокращается катастрофическими темпами, как только школы перейдут на электронные учебники, про печатное слово как массовый носитель информации, наверное, можно будет забыть... Это Вам нужно было ходить в “Ленинку”, в университетскую библиотеку, а у них – вот оно, всё при себе, нужно только достать гаджеты (вот уж термин так термин: “гад же ты”!) и подключиться к сети. Возникает иллюзия “самодостаточности”, но при этом связь с гаджетом становится важнее связи с живыми людьми... Насчёт же того, что предпочитают писать, а не говорить, то это, наверное, потому, что смс-сообщение стоит дешевле даже секундного разговора – только приход-расход, ничего личного... И, раз уж речь зашла о журнале “Наш современник”, расскажите, как Вы сюда попали после аспирантуры. Говорят, что важную роль в этом сыграл Вадим Валерианович Кожин?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, после того, как мне было отказано в защите, я оказался в некоем безвоздушном пространстве. Кстати, аспирантам,

закончившим обучение, но не защитившим диссертацию, полагался тогда ещё дополнительный год для приведения всех своих дел в порядок, своего рода академический отпуск. Денег за него не платили, но и за тунеядство не привлекали. Мой отпуск, к сожалению, несколько затянулся, скажем так. Конечно, родители за меня тогда очень переживали. И в конце концов, моя матушка, неутомимая литстудийка, которая посещала студию при Трёхгорной мануфактуре, незадолго до того возглавленную Кожиновым, уговорила меня туда сходить вместе с ней. Это было особое литературное место в Москве, некоторые студийцы со стажем, глыбистые такие старики, ещё помнили живого Маяковского – он там нередко выступал в конце 20-х годов. И вот знаменитого на весь мир литературоведа, – кстати, я смотрел его библиографию, где уже в то время присутствовали практически все более-менее значимые страны мира, особенно, помню, меня сразили публикации Кожинова в Японии, – тамошние литстудийцы сначала приняли чуть ли не в штаны. Потому что он... Ему всегда было интересно общение с живыми людьми, будь то нобелевский лауреат или слесарь...

“ЗАВТРА”: Да, Вадим Валерианович, помимо всего прочего, вёл переписку с тысячами адресатов и помнил каждого из них, у него, помню, дома целая комната была завалена письмами со всего мира, и он в этом хаосе прекрасно ориентировался! Извините, что Вас перебил...

Александр КАЗИНЦЕВ: Так вот, Кожинов сразу же начал их приучать к “тихим лирикам”: читал и разбирал стихи, рассказывал о значении творчества Николая Рубцова, Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Юрия Кузнецова, Василия Казанцева, представляете?! Там такие баталии тогда шли... А через год эту студию было уже не узнать: все стали “кожиновцами”, он никого не выгнал, но всех переубедил. Те же старики плюс молодёжь, которая туда просто нахлынула... И от Маяковского, кстати, не отказывался.

“ЗАВТРА”: А чем закончился Ваш тогдашний поход на Трёхгорную мануфактуру?

Александр КАЗИНЦЕВ: В Кожинове я сразу увидел именно то, что ожидал: очень страстного и очень знающего человека, из-за которого, можно сказать, уже заочно пострадал, поэтому решил его, что называется, “попробовать на зуб” и выступил с очень такой либеральной, на мой нынешний взгляд, речью. Потом мы шли втроем: Кожинов, моя матушка и я – к метро, и Вадим Валерианович, наполовину в шутку, наполовину всерьёз сказал, что я могу больше на его студию не ходить. Мол, двум медведям в одной берлоге не ужитья. Это, конечно, было большое преувеличение, комплимент на вырост...

“ЗАВТРА”: Думаю, Кожинов сразу разглядел в Вас если не полноценного “медведя”, то уж “медвежонка” точно, – он словами просто так не бросался.

Александр КАЗИНЦЕВ: Не знаю, но эта его фраза мне запомнилась. Вообще, Вадим Валерианович был своего рода интеллектуальным фехтовальщиком, очень умелым и даже артистичным. Он был способен одной-двумя фразами обезоружить своего оппонента, и тому не оставалось ничего иного, кроме как признать свою неправоту и поражение или ретироваться с “поля боя”. Кроме того, он выполнял роль нынешней Википедии: если вы чего-то не знали или в чём-то сомневались, нужно было всего лишь позвонить Кожинову и сразу же получить от него точную информацию, да ещё с необходимыми ссылками на первоисточник. И очень редко можно было услышать от него: “Саша, подождите, я сейчас посмотрю там-то и там-то и сразу вам перезвоню...” В общем, та встреча перешла сначала в знакомство, а потом – во многолетнюю дружбу, но тогда Кожинов всерьёз озаботился моим трудоустройством и месяца через три-четыре, помнится, позвонил мне примерно с такими словами: “Всё, Саша, теперь ваша судьба решена. Юрий Иванович Селезнёв идёт заместителем главного редактора журнала “Наш современник” и берёт вас сотрудником отдела критики”. Сам Юрий Иванович, отправленный в “Наш современник” с поста главного редактора серии “Жизнь замечательных людей” в издательстве “Молодая гвардия”, проработал здесь меньше года, а вот я, как видите, “подзадержался”.

“ЗАВТРА”: Вадим Валерианович как в воду глядел насчёт Вашей судьбы, получается. А с Селезнёвым, кажется, был какой-то громкий скандал?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, дело дошло до ЦК КПСС и соответствующего постановления. Сергей Васильевич Викулов, поэт и тогдашний главред “Нашего современника”, видел в Юрии Селезнёве – совершенно необоснованно! – своего конкурента и креатуру Альберта Беляева, тогдашнего заместителя заведующего отделом культуры ЦК, который Селезнёва на самом деле просто ненавидел. И, уходя в отпуск, Викулов оставил своему заму полный карт-бланш на 11-й номер 1981 года, точно рассчитав, что тот использует эту возможность для публикации “своих” материалов и где-то оступится... А Юрий Иванович “зарядил” одновременно статью Кожина “И назовёт меня всяк сущий в ней язык...”, повесть Владимира Крупина “Сороковой день” плюс статью Сергея Семанова о Чернышевском. Когда эту ситуацию обсуждали на секретариате Союза писателей РСФСР, чьим органом являлся журнал “Наш современник”, мудрый Феликс Кузнецов вслух изумлялся: “Это же безумие! Что, Селезнёв – безумец?! Или он правил не знает? Как он мог поставить сразу три таких материала в один и тот же номер?!” Но Селезнёв безумцем не был. Он просто понимал: эти сверхнужные, с его точки зрения, материалы увидят свет или сейчас, или никогда. И пошёл на невероятный, по тем временам, риск. Ведь при нём серия “ЖЗЛ” начала, что называется, “греметь”: вышли книги Михаила Лобанова про Александра Островского, Игоря Золотуского о Гоголе, Юрия Ложица о Гончарове. Это был новый взгляд на классическую русскую литературу, абсолютно неприемлемый для тогдашней идеологической машины. Обломов, например, представлялся не как отрицательный персонаж, воплощение “обломовщины”, “русской лени”, а как глубоко симпатичный самому автору герой, ставящий под вопрос приоритетную роль общественного, технического и прочего прогресса; что в споре Белинского с Гоголем прав был всё-таки не “неистовый Виссарион”, а автор “Мёртвых душ”; что описанное Островским “тёмное царство” было не столь уж “тёмным”, – в общем, всё это было непростительной “ересью” в стенах марксистского “монастыря” истории русской литературы XIX века. При этом успех у читателей был колоссальный. Поэтому Селезнёва из “Молодой гвардии” – издательства, не журнала! – убрали без скандала, просто перевели в “Наш современник”.

“ЗАВТРА”: А он, получается, и здесь принялся за своё?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, Юрий Иванович был, что называется, бойцом до мозга костей. Если бы не это его качество, то, наверное, и прожил бы подольше, и сделал бы побольше. А так он ещё успел дописать и выпустить в свет свою книгу о Достоевском, а потом – оказавшийся смертельным внезапный инфаркт в 45 лет... Кстати, Кожина, хотя он продолжал оставаться научным сотрудником Института мировой литературы, несколько лет после этого скандала практически нигде не печатали, и только с началом “перестройки” эта ситуация изменилась.

“ЗАВТРА”: Как Вам работалось все эти годы в “Нашем современнике”?

Александр КАЗИНЦЕВ: Знаете, Сергей Васильевич Викулов долгое время относился ко мне, “человеку Селезнёва”, скажем так, с недоверием. И каждый новый его заместитель стремился “этого Казинцева” уволить. Тем более что я долгое время не печатался в “Нашем современнике”, считая неприемлемым “использовать служебное положение”, а отдавал свои тексты в издания, которые идеологически журналу Викулова тогда противостояли: в “Литературную газету”, в “Вопросы литературы” и так далее, где их достаточно охотно публиковали. Для меня такие публикации служили подтверждением моей профессиональной состоятельности, плюс я не участвовал во внутриведомственной борьбе за “площади”, но на общем фоне это выглядело, наверное, необычно, и меня многие коллеги считали чем-то средним между “белой вороной” и “засланным казачком”. Но дело было ещё и в том, что при Викулове “Наш современник”, в общем, выражал народные взгляды на жизнь и перспективы нашей страны, а народные взгляды редко соответствуют взглядам властей, и потому властям, как правило, не нравятся. Поэтому часто по журналу выходили разные грозные постановления: от Союза писателей РСФСР до ЦК КПСС, состав редакции не раз почти полностью менялся, но Викулову неизменно удавалось удержаться на своём посту – во многом из-за поддержки Юрия Васильевича Бондарева, с которым он был очень дружен и который, в свою очередь, был любимцем наших военных. Бондаревская

“лейтенантская проза” полностью соответствовала их — ребят, ушедших на фронт совсем молодыми, выживших в этом аду, одержавших великую Победу 1945 года, ставших потом генералами и маршалами, — видению войны. А к мнению военных прислушивался сам Брежнев...

Викулов до конца “бился” за прозу тех же “деревенщиков”. Например, когда в 1974 году шла речь о публикации повести Валентина Распутина “Живи и помни”, ГлавПУР во главе с генералом Епишевым буквально встал на дыбы: “Кого вы воспеваете? Дезертира, предателя? Это же диверсия!” Тогда Викулов пошёл в ЦК и поручился за Распутина, что называется, головой и партбилетом. А вот поэзию и критику Сергей Васильевич не особо жаловал. Помню, говорил: “Александр Иваныч, вот Сергей Орлов покойный мне не раз советовал: да прикрой ты эту критику в журнале, одни проблемы от неё...” Сергей Сергеевич Орлов, прекрасный поэт, автор знаменитого стихотворения “Его зарыли в шар земной...”, был не только фронтовиком-танкистом, но и земляком Викулова, у них были очень тёплые отношения... Но вся идеология тогда шла через критику, поскольку публицистика — в “Нашем современнике” она была замечательная, боевая — затрагивала всё-таки конкретные проблемы общественной и хозяйственной жизни: вырубку лесов, утрату чернозёмов, поворот рек, “неперспективные” деревни, пьянство и так далее. А в критике идеология проявлялась больше всего, поэтому Викулов её опасался как источника возможной беды и всегда загонял куда-то в угол. Поэтому ни Кожина, ни Ланщикова видеть на страницах журнала не хотел.

Но литературная критика всё-таки была положена “по штату”, и закрыть её было нельзя. Интересно, что каждый заместитель главного редактора, который за неё отвечал и хотел “этого Казинцева” — по разным причинам — уволить, с течением времени начинал меня всё больше ценить и относиться ко мне уже по-человечески, но тут его увольняли. Сам Викулов не был москвичом, пришёл из Вологды, никаких особых связей в столице не имел, опереться ему было не на кого, поэтому легко принимал людей на работу и так же легко расставался с ними. На моей памяти, с 1981 по 1989 годы при Викулове полностью сменилось два или три полных состава редакции.

Это было одновременно и плохо, и хорошо. Потому что всё кипело, варилось, всегда добавлялось что-то новое, конкуренция была невероятной, а напечатать “нужного человечка” за какую-то мзду, “междусобойчик” — нет, это у него не проходило. Для него “нужным человечком” был Распутин, был Белов, был Астафьев... Меня же он не увольнял и не повышал, так я постепенно превратился в заслуженного старожилу “Нашего современника”.

А переломным в отношениях с Сергеем Васильевичем стал выезд редакции журнала в Тверь, тогда Калинин. Уже вовсю цвели перестройка и гласность, тираж “Нашего современника” достиг 300 тысяч экземпляров, нас стали приглашать на выступления в разные города Советского Союза. И вот мы поехали в Тверь. Нас повезли по городу, завели в самый главный и известный храм — Белую Троицу, а там, пока экскурсовод рассказывал о его истории, я отошёл в придел — помолиться. Туда зашёл и Викулов, думаю, с той же самой целью. И увидел, как я крещусь. После этого ледок растаял, он мне поверил, сделал меня заведующим отделом поэзии, а через несколько месяцев — и своим заместителем.

“ЗАВТРА”: В общем, Вы пережили период достаточно суровой борьбы за выживание. А что в те годы представляла собой редакция “Нашего современника”?

Александр КАЗИНЦЕВ: О, это были незабываемые люди! Когда они собиравались вместе — такие баталии шли, будь то заседание редколлегии или праздничное застолье! Ещё не здесь, на Цветном бульваре, а на улице Писемского была наша редакция, и туда приезжали Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Гавриил Троепольский, Валентин Солоухин, Василий Белов... Астафьев и Носов, как правило, садились по торцам стола и, фронтовики-горлопаны с хорошо поставленными голосами, начинали “катать” через него солёные истории, с матерками и прочими причиндалами. Женщин у нас в редколлегии тогда не было, так что они не стеснялись... Своё слово, окая, всегда вставлял Солоухин. Распутин же, почти самый младший из них, в основном слушал, сидел молча. А Троепольский — рядом с ним лежала стопка разных литературных журналов, да ещё с пометками и закладками, — недовольно постукивал остро отточенным карандашом по столу, ожидая, когда

эти пацаны-бузотёры уймутся и можно будет заняться делом... Конечно, каждый из них был наособицу, но до поры до времени все, можно сказать, дружили между собой, потому что ценили, прежде всего, талант. А вот когда ситуация изменилась, тогда на первый план выдвинулись общественная позиция и личные человеческие качества. Произошёл раскол. Белов и Распутин категорически поддержали Викулова в его неприятии “перестройки”, зато Астафьев стал её сторонником, а Носов его как-то по-дружески поддержал.

Помню, как-то уже в 90-е годы мне пришлось публично поругаться с Астафьевым. Это было в одной из питерских библиотек на организованной там читательской конференции. Виктор Петрович её вёл и как-то неосмотрительно начал с такой похвалы ельцинскому режиму: мол, все говорят, как плохо мы сейчас живём, а я вот был на Пасху на кладбище и видел, сколько туда приехало машин-“иномарок” – видимо-невидимо. А я на ту конференцию попал прямо с московского поезда и по дороге проезжал мимо кладбищ, которые настолько разбухли, что уже вывалились за ограду – прямо в болото, и многие кресты торчали из воды. И я тогда воспользовался оплошностью живого классика и сказал, что выдающийся писатель всегда точно подмечает значимые детали и даже когда хочет похвалить Ельцина, то ничего, кроме кладбища, ему на ум не приходит. И рассказал, как безумно расширились кладбища при новой, “демократической” власти, а это – вовсе не повод для торжества, а свидетельство вымирания нашей страны. Астафьев промолчал несколько часов, пока шла конференция, но зато в конце обрушился на меня с яркой, наверное, получасовой речью, в которой всё время себя “заводил”, а закончил её фразой: “И сдохнете вы вместе с вашим Куняевым раньше меня”. Но – человек предполагает, а Бог располагает...

Я думаю, что в провинции и тогда, и сейчас писателям намного сложнее, чем в столицах. Не столько в плане каких-то жизненных благ или социального статуса, а, прежде всего, в творческом плане. Потому что местное начальство всегда выдёргивает его на совершенно ненужные ему как художнику, творцу публичные мероприятия с целью наглядно продемонстрировать своим высоким гостям местную знаменитость и расцвет культуры на вверенной территории. Про “встречай-провожай-развлекай” даже говорить не приходится... Тот же Евгений Иванович Носов жаловался, что его переквалифицировали в экскурсовода по Курску и области. Делалось это, может, и не со зла, из лучших побуждений, но писателям-то от этого было не легче. Творчество, как и любовь, – не тот процесс, который совершается у всех на виду.

“ЗАВТРА”: Ваши отношения с Викуловым наладились, а отношения с Кожинным? Они продолжались?

Александр КАЗИНЦЕВ: Да, они продолжались, но для работ Вадима Валериановича путь в “Наш современник” долгое время был закрыт. Переломным моментом стала его статья, посвящённая роману “Дети Арбата”. К тому времени в журнале уже были опубликованы два отклика на этот роман, Анатолия Ланщикова и Николая Федя, поэтому, казалось бы, третий раз обращаться к этой теме было уже излишним, но я убедил Сергея Васильевича, что это абсолютно блистательный материал. Так оно и было, поскольку работа Кожиннова представляла собой новую концепцию истории нашей страны, а очень посредственный роман Анатолия Рыбакова был только поводом для её изложения. И эта публикация, думаю, стала переломной и для самого Кожиннова, обозначила его выход из литературной сферы в сферу истории, философии и, можно сказать, политики.

“ЗАВТРА”: Через несколько месяцев после Вашего назначения Викулов ушёл с поста главного редактора журнала. Что, по-вашему, стало причиной такого решения?

Александр КАЗИНЦЕВ: Должен сказать, что Сергей Васильевич был человеком исключительной честности. И, когда он понял, что возникли другие структуры общественной жизни, что ситуация изменилась, что он ситуацией больше не владеет и её не понимает, то и решил уйти. И сам подыскал себе преемника, Станислава Юрьевича Куняева, чья статья о Владимире Высоцком просто восхитила Викулова – и своим содержанием, и той прямотой, с которой там всё было сказано. Он увидел в Куняеве абсолютно негибкого человека, который сможет вести, “вытянуть” журнал в этой новой ситуации – и прошедшие с того времени почти тридцать лет полностью подтвердили

правоту его выбора. Предваряя ваш неизбежный вопрос, скажу, что про Станислава Юрьевича здесь говорить ничего не буду, потому что это совершенно отдельная и очень близкая мне тема, к тому же он – мой непосредственный начальник. Мы работаем вместе уже тридцать лет – разве этого мало?

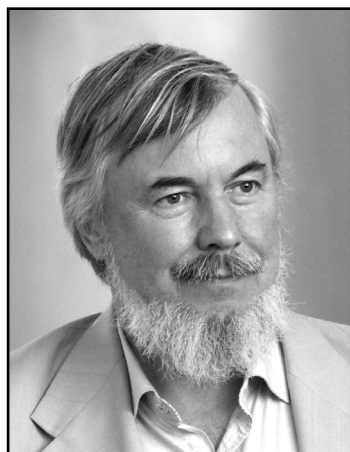
“ЗАВТРА”: Наверное, Вы правы. Тем более что нынешний Ваш путь – уже у всех на виду, всем достаточно хорошо известен. Остановимся лишь на одном моменте – Ваш 40-й день рождения, 4 октября 1993 года, пришёлся на день расстрела Верховного Совета России, и с тех пор, а прошла уже четверть века, Вы, получается, навсегда вместе с этим трагическим событием. Как Вы пережили тот “чёрный октябрь”, какие Ваши воспоминания с ним связаны?

Александр КАЗИНЦЕВ: Извините, для меня это очень непубличная и очень большая тема, поэтому даже не для печати, а под запись ничего говорить не буду.

“ЗАВТРА”: И в завершение нашего с Вами, Александр Иванович, разговора – такой, может быть, несколько странный вопрос. Был ли у Вас, отпечатался ли в Вашей памяти момент или эпизод, который Вы считаете, который Вы можете назвать неким метафорическим соответствием своей жизни, её смысла и предназначения на этой земле?

Александр КАЗИНЦЕВ: Думаю, этот момент ещё не наступил, он впереди.

“ЗАВТРА”: Большое спасибо за беседу!

СКОРБИМ И ПОМНИМ

Письма в конвертах, письма электронные, правительственные телеграммы, телефонные звонки непрерывным потоком шли и до сих пор идут в редакцию журнала. Нам выражают сочувствие известные политики, общественные деятели, люди науки.

Сотрудников журнала и семью Александра Ивановича утешают творческие организации писателей России, коллективы библиотек и журналов.

Слова соболезнования дошли до нас из Белоруссии из Казахстана...

Но более всего откликов на смерть Александра Ивановича мы получили от писателей, поэтов, прозаиков, критиков, с которыми он встречался в городах и весях нашей необъятной родины. Предоставляем им слово прощанья.

I

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

8.12.2020. ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА "НАШ СОВРЕМЕННОК"
С Ю КУНЯЕВУ=

УВАЖАЕМЫЙ СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ

ПРИМИТЕ ИСКРЕННИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ В СВЯЗИ С УХОДОМ ИЗ ЖИЗНИ ВАШЕГО ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПУБЛИЦИСТА ЛИТЕРАТУРНОГО КРИТИКА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КАЗИНЦЕВА

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПРИМЕР ПРЕДАННОГО СЛУЖЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЕГО САМООТВЕРЖЕННЫЙ ТРУД КРОПОТЛИВАЯ ЧЕСТНАЯ ОБЪЕКТИВНАЯ РАБОТА С РУКОПИСЯМИ АВТОРОВ ТАЛАНТ КРИТИКА И НАСТАВНИКА ВСЁ ЭТО ПОЗВОЛИЛО НАМ ОТКРЫТЬ НОВЫЕ ЯРКИЕ ИМЕНА СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ В ТОМ ЧИСЛЕ СРЕДИ ЛАУРЕАТОВ ПРЕМИИ СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ И ГОРДИТЬСЯ СОХРАНЁННЫМИ ТРАДИЦИЯМИ РУССКОЙ КЛАССИКИ. СКОРБИМ ВМЕСТЕ С РОДНЫМИ И БЛИЗКИМИ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КАЗИНЦЕВА ВЕЧНАЯ ЕМУ ПАМЯТЬ=РУКОВОДИТЕЛЬ ФРАКЦИИ "СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ"
С М МИРОНОВ

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА НАШ СОВРЕМЕННОК С Ю КУНЯЕВУ=

УВАЖАЕМЫЙ СТАНИСЛАВ ЮРЬЕВИЧ ВСКЛ

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ ВСКЛ

ВЫРАЖАЮ ИСКРЕННИЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КАЗИНЦЕВА С ЧУВСТВОМ ГЛУБОКОЙ СКОРБИ И БОЛИ Я ПРИНЯЛ ЭТО ГОРЬКОЕ ИЗВЕСТИЕ

ИЗ ЖИЗНИ УШЁЛ ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК ИСТИННЫЙ ПАТРИОТ СВОЕЙ РОДИНЫ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ ГОРЯЧО И ПРЕДАННО СЛУЖИВШИЙ ЕЙ РОССИЙСКИЙ ПУБЛИЦИСТ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК ЖУРНАЛИСТ И ПОЭТ БОЛЬШОЙ ПОДВИЖНИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВСЕ ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПРОНИЗАНЫ ПАТРИОТИЗМОМ И ИСКРЕННЕЙ ЗАБОТОЙ О СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ

СОРОК ЛЕТ СВОЕЙ ЖИЗНИ ОН ОТДАЛ РОДНОМУ ЖУРНАЛУ НАШ СОВРЕМЕННОК ТРИДЦАТЬ ИЗ КОТОРЫХ ОН ЯВЛЯЛСЯ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА Я ЗНАЛ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА В ТЕЧЕНИЕ МНОГИХ ЛЕТ НАС С НИМ СВЯЗЫВАЛО НЕ ТОЛЬКО МНОГОЛЕТНЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА НО И ТЁПЛЫЕ ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БЫЛ БЕССМЕННЫМ ЧЛЕНОМ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ ВНЁС ПОИСТИНЕ НЕОЦЕНИМЫЙ ВКЛАД В ЕГО РАЗВИТИЕ В 2008 ГОДУ СТАЛ ЛАУРЕАТОМ КОНКУРСА ЛИТЕРАТУРНО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПРОХОРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ С ПОСЛЕДУЮЩИМ ВРУЧЕНИЕМ ЕМУ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ БЕЗУПРЕЧНЫЙ ПРОФЕССИОНАЛ ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК НАДЁЖНЫЙ ДРУГ ТАКИМ ОСТАНЕТСЯ В МОЁМ СЕРДЦЕ НАВСЕГДА

ЕГО УХОД ИЗ ЖИЗНИ ЭТО НЕВОСПОЛНИМАЯ ПОТЕРЯ ДЛЯ ВСЕЙ СТРАНЫ ВЫРАЖАЮ ГЛУБОКОЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЕ ВСЕМ РОДНЫМ И БЛИЗКИМ В СВЯЗИ С ЭТОЙ ТЯЖЁЛОЙ УТРАТОЙ СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВИЧЕ НАВСЕГДА ОСТАНЕТСЯ В НАШИХ СЕРДЦАХ = Н И РЫЖКОВ СЕНАТОР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЕ

Дорогая Нина Алексеевна, уважаемые друзья и коллеги Александра Ивановича!

Позвольте выразить вам искренние соболезнования в связи с неожиданной и безвременной кончиной Александра Ивановича Казинцева – замечательного литератора, поэта, публициста, воспитателя талантливых писателей и поэтов, прекрасного человека. Из жизни ушёл православный, добрый, мудрый человек, истинный патриот своей Родины, всю свою жизнь горячо и преданно служивший ей.

Профессионализм и целеустремлённость, колоссальная эрудиция, работоспособность и самоотдача Александра Ивановича вызывают глубокое уважение и усиливают потрясение от тяжелейшей утраты.

Александр Иванович был настоящим энтузиастом, просветителем и подвижником. Многогранная востребованная деятельность, весомый личный вклад в сбережение нашего богатейшего исторического, литературного, духовного наследия снискали ему высокий общественный авторитет и признание.

Добрая память о нём навсегда сохранится в сердцах родных и друзей, коллег и учеников, многочисленных почитателей его творчества.

Родным и близким выражают свои глубокие и искренние соболезнования все соратники, друзья Александра Ивановича и читатели “Нашего современника” на Белгородчине. Стойкости и самообладания вам в эти скорбные дни.

С уважением – руководитель представительства
Белгородской области
при правительстве РФ
А. Г. Мацелуро

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С тяжёлым чувством узнали о смерти писателя, поэта, нашего коллеги и друга Александра Ивановича Казинцева. Выражаем Вам и семье покойного наши соболезнования. Наше сотрудничество всегда было на уровне дружеских отношений, полного взаимопонимания и любви молодых писателей к Александру Ивановичу. Это большая потеря для русской литературы, для журнала “Наш современник”, для нашей с Вами программы “Молодые писатели”. В этой работе у него проявился особый талант поиска талантливых писателей, которых он выводил в большую литературу. Нам всем будет очень его не хватать.

Уважаемый Станислав Юрьевич! Надеемся на продолжение нашей совместной работы в том же русле, как это было в течение последних двадцати лет.

С уважением,
Председатель Союза писателей Москвы
Президент Фонда СЭИП
Филатов С. А.

* * *

Всему коллективу редакции журнала.

С чувством боли узнал о кончине Александра Ивановича Казинцева, большого писателя, публициста, философа, организатора журнального дела. Несколько десятилетий он сохранял свечу русской литературы, русский дух нашей поэзии, прозы, литературной критики от ядовитых ветров торгашества, холопства, лжи. Вам, да и всем читателям и почитателям журнала будет очень трудно без Казинцева, его твёрдой, но деликатной редакторской руки, без его человеческого обаяния. Держитесь!

Передайте мои искренние соболезнования семье Александра Ивановича.

Академик РАН
А. М. Васильев

* * *

9 декабря взял в руки газету “Завтра”. На первой странице – портрет Александра Ивановича Казинцева и сообщение о его кончине. Оцепенел: этого не может быть, не верю. Вспомнилось: ведь виделись мы с ним не так и давно – в конце октября. Я принёс в журнал “Наш современник” большой материал – 60 страниц, под названием “Феномен нашего времени” – публицистическую статью. Он пролистал её, сказал: “Многовато, сократить надо. Опубликуем в двенадцатом номере или в первом в новом году”. Я говорю: “А не побоитесь, здесь же обоснованная критика власти, в том числе и президента, да к тому же деятельности Зюганова, а вы ведь были когда-то его доверенным лицом?” Ответил коротко: “Не побоюсь. Страна движется неизвестно куда, бояться – преступно”.

А я не могу даже представить, как приду в редакцию журнала “Наш современник”, а вас там нет. Грешен, из всего, что написано вами, читал только публицистику. Утешаю себя: но она ведь и есть самое главное в вашем творчестве, в вашей борьбе, а проще сказать – это и мои идеи.

Я намного старше вас, Александр Иванович, но могу сказать, что, не уйдя вы от нас так неожиданно, я с вашей помощью мог бы сделать ещё много хорошего в литературе. Прощай, друг, пусть земля тебе будет пухом, а мы, оставшиеся жить, будем помнить тебя, твой бойцовский характер, твою улыбку, твоё литературное наследство.

Н. Л. Пирогов
доктор экономических наук, профессор

II

Дорогие друзья, соратники!

Нет слов, чтобы выразить глубину скорби в связи с кончиной Александра Ивановича Казинцева.

Выдающийся подвижник Русского Дела, талантливый публицист, мыслитель, собиратель лучших русских людей под знамя главного нашего редута – журнала “Наш современник”, – он навсегда останется примером мужественного служения нашему народу. Вечная ему память!

Есть что-то очень грозное в нарастающих потерях Русской Силы. В. Н. Осипов, в Питере – И. Я. Фроянов, ратоборец Православия В. П. Филимонов. Високосный год косит беспощадно. Остаётся держать оборону на немногих островках Русской земли всем ополченцам, кто ещё жив и пока есть силы.

Профессор **О. Г. Каратаев**, профессор **С. В. Лебедев**,
профессор (б. депутат Госдумы) **Ю. П. Савельев**,
художник **А. Л. Набатов**,
М. Н. Любомудров
г. Санкт-Петербург

* * *

Уважаемая редакция журнала “Наш современник”! Примите наши сопереживания в связи с уходом из жизни первого заместителя главного редактора Казинцева Александра Ивановича. Публицист Александр Иванович Казинцев, прежде всего, автор, с которым хотелось советоваться, сверять свои мысли и учиться пониманию русской литературы. Александр Иванович для библиотечарей был навигатором в книжном море России.

Мы, читатели уважаемого журнала “Наш современник”, библиотекари Мемориальной библиотеки В. М. Шукшина, понесли тяжёлую утрату и скорбим вместе с вами.

С уважением **Т. Кеврух**
и библиотека В. М. Шукшина
с. Сростки

* * *

С болью в сердце о России, её судьбе и людях, в ней живущих, писал, жил и ушёл Человек, Патриот, Мастер слова и дела Александр Иванович Казинцев.

Утрата надолго останется невосполнимой, ощутимой для всего литературного сообщества России и особенно для журнала “Наш современник”, которому Александр Иванович отдал бóльшую часть своей жизни.

“Наш современник” – главный и лучший журнал нашего времени, самый значимый и читаемый, и в этом немалая заслуга Александра Ивановича Казинцева.

Члены литературного объединения “Земляки”,
авторы и читатели альманаха Бийского района Алтай-
ского края. **От имени и по поручению редакции**
журнала “Земляки” и по велению своей души –
Галина Ульянова, бывший старший научный сотруд-
ник ВММЗ В. М. Шукшина в Сростках, лауреат Первой
премии Всероссийского историко-литературного кон-
курса “Александр Невский” 2009 года
Сростки–Бийск

* * *

Дорогие друзья!

С горечью прочитал скорбные строки о кончине Александра Ивановича Казинцева. Прошу передать семье покойного мои искренние соболезнования и примите моё сочувствие по поводу утраты замечательного литератора и прощательного, взыскательного редактора.

Кончина А. И. Казинцева – невосполнимая утрата для русского литературного процесса, да и русской мысли в целом во всех её проявлениях.

А. С. Белоненко,
директор Свиридовского института,
кандидат искусствоведения,
заслуженный деятель искусств России,
лауреат премии мэра Санкт-Петербурга

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

Позвольте от имени редколлегии журнала “Новая Немига литературная” и от себя лично выразить свои глубочайшие соболезнования по поводу безвременной кончины первого заместителя главного редактора лучшего в России литературно-художественного журнала “Наш современник”, выдающегося публициста и критика, самобытного русского поэта Александра Ивановича Казинцева, кончина которого глубокой болью отозвалась в сердцах всех литераторов Беларуси, которым доводилось за эти годы встречаться с этим уникальнейшим человеком. Александр Иванович был настоящим другом Беларуси, во многом благодаря его стараниям постоянно укреплялось творческое сотрудничество между редакциями “Нашего современника” и “Новой Немиги литературной”. Александр Иванович часто рекомендовал нашей редакции произведения молодых российских прозаиков и поэтов, сочувственно относился к творчеству наших талантливых авторов.

Очень горжусь многолетней творческой и человеческой дружбой с этим человеком, писателем от Бога и мыслителем высочайшего уровня. Понимаю, что заменить его в редакции “Нашего современника” будет очень и очень трудно... Держитесь, дорогие друзья и коллеги. Мои глубочайшие соболезнования Нине Алексеевне – супруге Александра Ивановича Казинцева. Склоняю голову перед памятью этого человека! Дело нашей чести – достойно продолжать дело, которому он посвятил жизнь!

Анатолий Аврутин,
главный редактор журнала
“Новая Немига литературная”

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич!

С глубочайшим прискорбием узнали, что не стало дорогого для нас Александра Ивановича Казинцева. Трудно поверить, невозможно согласиться с утратой этого талантливого писателя, замечательного человека, настоящего гражданина и патриота, большого друга Беларуси и активного сторонника нашего единения...

Искренне соболезнуем редакции журнала “Наш современник”, родным и близким Александра Ивановича. Скорбим вместе с вами, ибо потеряли поистине незаменимого друга и товарища. Будем всегда помнить его – широко эрудированного, интеллектуального, яркого, искреннего писателя и человека.

С уважением –
председатель Минского городского отделения
Союза писателей Беларуси
Михаил Поздняков

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Вологодская писательская организация выражает искреннее соболезнование в связи со смертью первого заместителя главного редактора журнала “Наш современник”, публициста Казинцева Александра Ивановича. Он с радостью откликнулся на наши приглашения и приезжал на литературные встречи в Вологду, Тотьму, Тимонику... Совсем недавно был в Белозерске, на родине бывшего редактора журнала “Наш современник” Сергея Васильевича Викулова, на открытии музея журнала. Будем помнить Александра Ивановича как яркого русского публициста, много потрудившегося в главном литературно-художественном и общественно-политическом журнале России.

Писатели-вологжане

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич, друзья! Иркутское отделение Союза писателей России выражает глубокое соболезнование и скорбит о безвременной кончине замечательного человека, блестящего литературного критика, публициста, философа и знатока русского слова Александра Ивановича Казинцева. Мы всегда будем помнить и чтить его духовное наследие.

Юрий Баранов, Владимир Скиф, Анатолий Байбородин

* * *

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА “НАШ СОВРЕМЕННОК”

С. Ю. КУНЯЕВУ

Париж, 8 декабря 2020

Уважаемый Станислав Юрьевич!

С болью и горечью узнали о внезапном уходе Александра Ивановича Казинцева, подвижника русской литературы, чудесного поэта, блестящего критика и публициста, первого заместителя главного редактора “Нашего современника”, ведущего направление работы с молодыми писателями.

Его новых открытий из числа юных талантов, на которых у Александра Ивановича было особое чутьё и о которых он без усталости и по-отечески заботился, его профессиональных советов и честных суждений, которые очень помогали в работе, его добрых и верных слов нам будет очень не хватать.

Мы навсегда останемся благодарны Александру Ивановичу за содействие в организации участия Андрея Антипина в Днях русской книги в феврале этого года, представления французскому читателю творчества Елены Тулушевой, Андрея Тимофеева, Юрия Лунина и других ярких прозаиков из поколения тридцатилетних.

Примите, пожалуйста, искренние и глубокие соболезнования, уважаемый Станислав Юрьевич, в связи с нашей общей тяжёлой потерей. Разрешите передать слова поддержки и соболезнования всему коллективу легендарного журнала, супруге Александра Ивановича Нине Алексеевне Казинцевой, его родным и близким от Российского центра науки и культуры в Париже и меня лично.

Руководитель Представительства
Россотрудничества во Франции

К. Волков

Париж

III

ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН

Памяти Александра Казинцева

*Даже с болью неизбывной говорю без осужденья:
траурных хлопот команда, словно стая воронья,
налетела с шумом, с криком на худое сообщенье,
от которого забилась*

*в плаче
русская земля.*

*Умер человек большого пониманья слов глубоких.
Сколько храмов просвещенья он с душой воздвиг из них!
И теперь в палатах света, чести, совести для многих
он пребудет среди самых*

*восхитительно
живых.*

* * *

Станислав Юрьевич, редакция “Нашего современника”!

Примите глубокие соболезнования по поводу безвременного и внезапно-го ухода из жизни Александра Ивановича Казинцева! Огромная потеря для журнала, читателей, огромная потеря для русской публицистики!

Его дотошный и обжигающий “Дневник современника” вёл читателя сквозь самые тяжкие десятилетия постсоветской России, помогал осмысливать происходящее, предостерегая от неверных шагов в новой реальности. Острое чувство долга перед будущим привело его к работе с молодыми литераторами, которым он помогал становиться на крыло, не жалея ни сил, ни времени. Светлого разума и отзывчивой души человек – таким запомнится Александр Иванович всем тем, кто его знал. Пусть земля ему будет пухом!

Валентина Семёнова
Иркутск

* * *

Дорогой Станислав Юрьевич, друзья! Выражаю самые глубокие соболезнования в связи со скоропостижной и непостижимой кончиной Александра Ивановича Казинцева. Журнал “Наш современник”, русская публицистика и журналистика понесли невосполнимую утрату. Скорблю вместе со всеми вами!

С уважением,
Андрей Воронцов

* * *

Скорблю вместе с сотрудниками, авторами, читателями “Нашего современника”, вместе со всеми русскими людьми... Это невосполнимая потеря. Буду помнить его приветливым, улыбчивым, добрым человеком, мудрым и сильным воином. Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечнаго преставльшагося раба Твоего и брата нашего Александра, прости ему согрешения вольные и невольные и введи его в Царствие небесное...

Василий Козлов
Иркутск

* * *

Уважаемый Станислав Юрьевич! Высылаю стихотворение, посвящённое Александру Ивановичу Казинцеву.

ЛЁТКА

Памяти Александра Казинцева

*Пересчитаю голубей,
Застывших на декабрьской лётке,
И ужаснусь, что нет на ней
Его следов, его походки.*

*Глаза опухли у друзей,
А он уже в дороге к раю.
Каких красивых голубей
Я на земле сейчас теряю?!*

*У них особенная стать,
У них и взгляд на всё иначе,
Но им над лёткою не встать
Во всей любви своей горячей.*

*Как мало мне осталось их!
Я в жизни больше не увижу
Красивых голубей своих,
Ушедших на другую крышу.*

Заслуженный работник культуры РФ,
лауреат Государственной премии России,
секретарь Правления Союза писателей России
Владимир Силкин

РУССКИЙ ДО МОЗГА КОСТЕЙ

... Мне посчастливилось не раз общаться с Александром Ивановичем как в стенах редакции "НС", в его маленьком, заваленном рукописями кабинете, так и в совместных творческих командировках по городам и весям страны.

Когда группа московских литераторов приехала на Кубань на научную конференцию, посвящённую памяти В. В. Кожина, студенты и преподаватели Армавирского педагогического университета буквально толпой шли посмотреть на А. И. Казинцева, послушать его выступление.

Необычайно доброжелательный, уравновешенный даже в жарких полемических "битвах", всегда с тёплой, умной улыбкой на устах, он без преувеличения очаровывал публику своим ровным, мягким, негромким голосом.

Я никогда не видел его раздражённым, чем-то недовольным, тем более нелюдимым или бесконечно унылым. "Уныние Богу противно!" – часто приходилось от него слышать. И он неизменно следовал этому жизнелюбивому православному завету.

Даже в пылу горячих, бескомпромиссных споров со злостными оппонентами Александр Иванович сохранял удивительное самообладание, хладнокровие, не поддаваясь на провокационные выпады недругов. Но и умел держать крепкие удары, давать сдачи, отвечать так жёстко, хлёстко и убедительно, что одолеть его было просто невозможно.

А сколько молодых, начинающим литераторам он дал путёвку в трудный, суровый и прекрасный мир литературы! Через руки чрезвычайно благожелательного и вместе с тем требовательного критика прошли сотни и тысячи рукописей, которые отнимали у него массу драгоценного времени. Но Александр Иванович понимал: надо, не жалея сил, растить молодую творческую поросль, ведь ей придётся продолжать и утверждать благородное дело русской изящной словесности в будущем, в необычайно трудных жизненных условиях...

...Уверен, придёт час, и кто-то из единомышленников напишет глубокое, проникновенное исследование о жизни и творчестве А. И. Казинцева, который и своим нравственным поведением, и ярким творчеством покорял сердца современников, являя образец ни “левого”, ни “правого”, а именно Русского православного Человека до мозга костей.

Владимир Юдин, писатель
г. Тверь

* * *

Ах, Александр Иванович, Александр Иванович...
Что же вы так рано нас покинули... И внезапно...
Мы ошарашены были, оглушены этим известием, прозвучавшим перед самым открытием сегодняшнего писательского пленума.
Встали на одном дыхании, чтобы почтить вашу память...
Перекрестились... Кто-то заплакал...
Русская литература в вашем лице потеряла горячего публициста, патриота, государственника, мудрого тонкого критика, не по диагонали читающего русскую литературу. Потеряла умного наставника молодых, к которому они тянулись и к мнению которого прислушивались с особым вниманием.
Потеряла поэта, написавшего немного, но писавшего душой.
Потеряла... потеряла... потеряла – много ещё чего потеряла русская литература вместе с вашим уходом в иные – поднебесные – ипостаси.
Мы остались без вас, без вашей широкой доброжелательной улыбки, без вашего острого критического пера, без вашего умного соучастия во многих литературных проектах.
Скорбим... И будем помнить...

Валентина Ерофеева
“День литературы”

* * *

Казинцев был верным рыцарем поэзии: мастером глагола, не допускающим ни технических сбивов, ни эстетических погрешностей.

*Сколько тут домов снесли
под один замах,
лишь проплешины земли —
память о домах.
Взялся поздний снегопад
выбелить дотла
пустоту, где год назад
жизнь своя текла.*

И боль, проходившая часто красной нитью по руслам строк, была подлинной, корневой, но и соединённой с силою веры: так есть, но в грядущем должно измениться нечто, потому что не может всё время царить пустота, не может темень считаться светом...

Он поднимал к небу наполненные прекрасным содержанием чаши стихов, и они лучились драгоценно на солнце духа...

...Смерть поэта – понятие условное: расшифровавший душу свою в стихах, остаётся в них сильным и смелым, ярким и грустным, добрым и трепетным...

Александр Балтин

* * *

В 2007 году я написал стихотворение “Напевный звук” и посвятил его Казинцеву. Если будет возможность, опубликуйте, пожалуйста, это стихотворение. Пусть оно станет моей скорбящей памятью об Александре Ивановиче – ярком и неповторимом русском поэте и страстном публицисте, которого я знал и с которым был в дружеских и творческих отношениях не один десяток лет.

НАПЕВНЫЙ ЗВУК

*...Вот-вот рассвет сквозь мглу пробьётся,
И распахнётся небосвод.
И лёд, как склянка, разобьётся,
И воды вырвутся вперёд.
Жизнь как бы заново начнётся.
Стрижи заложат виражи...
Внутри вдруг что-то оборвётся,
И я пойму: порыв души!*

*И мне, смятенному, неймётся,
В глубинку рвусь я, где придётся
Пахать, косить, колоть дрова,
Таскать водицу из колодца...
Лукавый критик ухмыльнётся:
“Здесь стихотворцу достаётся
Набор из рифм: “Трава — дрова”.*

*Ты, критик, прав, но лишь отчасти...
Ужель всерьёз приму за счастье
Литературные труды,
Прияв Небесное причастье
От солнца, ветра и воды?*

*Светило! Тень земли оттисни
На облаке, где Дух мой виснет,
Явив земле Напевный звук,
Чтоб поукрепи скрепы жизни,
А чувство личное к Отчизне
Не угнетало... как недуг.*

Геннадий Морозов

г. Касимов Рязанской обл.

* * *

*Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.*

М. Лермонтов

Четырнадцатого декабря 2020 года, пообщавшись со Станиславом Юрьевичем, узнал прискорбную весть, что уже три дня как схоронили **Александра Ивановича Казинцева!** Не вмещается в сознание! Трудно восприятие...

Это потеря! Потеря не только для семьи! Это потеря для журнала, для литературы, потеря для общества соотечественников!

Этот человек мог всегда оценить состояние собеседника, найти общий язык и прояснить не поддающееся скорому пониманию. Всегда был уравновешен в своих понятиях.

Александр Иванович покинул тот путь, по которому шёл и творил! На его путь никому не взойти – он опустел!

Мы уже не сможем услышать его мнения о происходящем.

На его пути никто его не заменит. Он шёл по нему, исполняя порученное. Ведь у каждого человека свой путь.

Нам всем остаётся только одно – скорбь о преждевременном уходе из жизни земной человека, который был дорог всем, кто знал и ценил его. Он тратил своё жизненное время на сохранение человеческих ценностей, так обесценивающихся в текущем времени.

*Будут те же дома, те же люди,
Будут заснеженным днём.
Александра лишь с нами не будет —
Будет светлая память о нём.*

Поэт **Алексей Шерник**
Казахстан

“ОСТАЮТСЯ ТОЛЬКО ЛЮДИ — И СТИХИ...”

Памяти Александра Ивановича Казинцева

Утром седьмого декабря, как только пришло неожиданное и страшное известие о смерти Александра Ивановича Казинцева, социальные сети наполнились множеством личных записей, в которых были боль, растерянность, благодарность. Причём писали в основном люди молодые. И все в один голос говорили о нём как о своём учителе.

О новом поколении в литературе Александр Иванович начал говорить задолго до появления “новых традиционалистов”. Помню его небольшую заметку в “Дне литературы” в 2014 году, в которой он уже называл конкретные имена молодых авторов поколения, которые тогда ещё были “двадцатилетними”. Молодые стали его последним большим проектом. Он лично приглашал интересных авторов, редактировал “молодёжные” номера “Нашего современника”. По крупицам создавал и скреплял поколение в единое целое.

А мы принимали его внимание и заботу как должное, не понимая до конца, какой труд стоит за его деятельностью. И сколько веры в молодость нужно, чтобы серьёзно рассматривать наши первые неловкие шаги, угадывать в них что-то талантливое, развивать это, редактируя рукописи, исправляя ошибки, поддерживая. Мы ценили его недостаточно — как не можешь оценить явление, находясь с ним “лицом к лицу”, как не можешь до конца оценить родителей, пока они рядом. Возможность показать любую новую вещь, позвонить по любому поводу, найти понимание и поддержку. Услышать мнение человека, понимающего и тонко чувствующего литературу. Мы привыкли к нему, как привыкаешь к родному дому. А он ушёл, и осталась пустота сиротства.

Он часто критиковал, но делал это, ласково улыбаясь, как будто говоря: ничего, ничего, скоро и сами поймёте. И действительно, время проходило, и оказывалось, что он был во всём прав.

Думаю, нам ещё предстоит осмыслить Александра Казинцева уже не только как человека, но и как крупную фигуру в русской литературе XX–XXI века. Перечитать его статьи и стихи, ещё раз оценить его роль в русском движении, его подвижнический труд на благо литературы, его влияние на творчество и на судьбы многих писателей, которые сейчас застыли в молчании и горе.

Пока же перед нами, как наяву, его тёплый взгляд и добрая улыбка. Пока же произносятся первые слова о нём. Эти слова его учеников и молодых коллег мы и предлагаем читателям.

**Андрей ТИМОФЕЕВ, прозаик, критик,
руководитель Совета молодых литераторов
Союза писателей России**

Елена ТУЛУШЕВА, прозаик (Москва)

Читаю некрологи, новостные колонки — всё как будто слишком сухо, официально, пусто. Наверное, так полагается: перечисления, достижения, идеолог, борец... Не то. А залезаешь в личные посты в социальных сетях — там, словно на рынке, у кого ярче воспоминание, у кого интереснее: “а мне он...”, “а я с ним...”, “а для меня он...”, “а мой рассказ он...” И пульсирующее раздражение накачивает: почему, зачем они всё про него только через себя? Что это за ярмарка достижений? И только пролистывая в голове трогательные воспоминания совместных встреч, поездок, разговоров, постепенно осознаёшь — ведь он и правда был весь в этой постоянной неуёмной деятельности для кого-то, в этом стремлении успеть помочь... талантливым и ярким, тихим и забытым, старым друзьям или просто порядочным, но едва знакомым людям. И, конечно, помочь молодым и начинающим.

Таких ведь можно по пальцам перечесть — тех из старших, кто улыбается нам искренне, кто болеет за молодую литературу, кто ищет, приводит, публикует, помогает, спорит, ругает и всё-таки снова потом улыбается. Мало таких, кому не жалко места для новых в этом крохотном мире современной русской литературы.

Александр Иванович постоянно ездил по России не только с важными “взрослыми” писательскими делегациями, но и на бесконечные, любых масштабов (будь то русско-китайский или белорусский форум, всероссийские “Липки” или кулуарные уютные “Некрасовские”) молодёжные семинары. Он говорил, что молодёжь заряжает его азартом, энергией, даёт силы. Конечно же, и отнимали мы сил немало — спорящие, горячие, воинствующие, мнящие себя особенными, новыми и непохожими. Он любил наблюдать, когда мы дискутировали, искали аргументы, анализировали. А сам всегда начинал своё критическое выступление словами “Хорошие мои...”. Дальше могло быть что угодно: и доброе, и оценочное, и совсем обезнадёживающее для начинающего автора какой-нибудь саги про вампиров, но всегда очень человеческое обращение к самому автору. В разгар своей речи Александр Иванович мог говорить очень громко, вспыхивал, возмущался, призывал, а потом снова затихал, голос становился мягче, улыбка возвращалась и завершала это послание.

Он умел общаться с людьми абсолютно разного ранга и возраста. Библиотекари и депутаты, генералы и дипломаты, учёные и министры, молодые и те, кому чуть-чуть остаётся до столетия. Александр Иванович признавался, что не умеет общаться только с детьми, поскольку у него нет с ними общих интересов: “Вот когда вырастут и что-то напишут, тогда и поговорим”. При этом всегда внимательный, он помнил имена детей своих знакомых, в письме или в телефонном разговоре передавал “поклон”, а при наших встречах всегда имел припасённую шоколадку для моей дочери. Этим тревожным летом 2020-го я приехала к Александру Ивановичу в редакцию с дочкой. Она со своей детской непосредственностью и открытостью решила тоже что-то подарить в благодарность за все сладости, собрала букетик из клевера, довезла, как ни странно, не растеребив по дороге. Протягивает свой дар, а Александр Иванович вдруг просиял, застеснялся как будто: “Это что, мне?” Встал в петлицу пиджака, гордо распрямился. Тут уже моя шестилетка расцвела: “Вы так и будете весь день ходить с моим подарком?” И пока он показывал ей сквер на Цветном бульваре, она всё поглядывала, проверяла, а он, не стесняясь, так и шёл с её букетиком на пиджаке. Видела она его всего раза три в жизни, но запомнила очень улыбчивым и приятным.

Удивительно деятельным Александр Иванович был, как будто жил в другом временном ритме. Он не пользовался современными гаджетами, носил телефон, кажется, лишь для того, чтобы в перерыве между встречами или обсуждениями текстов набрать номер своей дорогой супруги, где бы он ни находился, чем бы ни был занят: “Как ты, моя родная?”

Всё остальное он помнил без телефонов и планшетов, отлично удерживая в голове десяток дел, сроки, встречи, обязательства по текстам. Отвечая на звонок городского телефона в редакции, с первых слов собеседника выуживал из памяти детали общих поездок и шуток, отчества и должности, имена жён, чтобы передать привет, названия книг, статей, изданий... Нашему по-

колению, создающему вокруг себя иллюзию сотни дел, подразумевающему под этим просто переписку в десятках чатов ежедневно, нам, наверное, столько вживую переделать будет не под силу, а уж перечитывать столько текстов каждый день...

Стол Александра Ивановича в редакции журнала – это был фактически отдельный кабинет в кабинете: кипы и кипы рукописей, башни из книг, листов и крохотных листочков. Бывало, придёшь, а у него как будто всё подготовлено: вытаскивает осторожно, чтобы не свалить всю стопку, сборник – вот здесь прекрасный рассказ Убогого, посмотрите, как он описывает уход человека, а вот здесь – выуживает предпоследний номер журнала “Берега” – вот здесь я отметил отличную подборку стихов, не читали ещё? И в этом хаосе рабочего стола у всего было своё место, своя роль у каждой записки.

Покойный ректор Литературного института Сергей Николаевич Есин на шанхайском форуме молодых писателей рассказывал, что прочитывает все литературные толстые журналы и литературные газеты ежемесячно, призывая нас делать, как минимум, столько же, чтобы хотя бы просто ориентироваться в литературном процессе. У Александра Ивановича, помимо этой задачи, были ещё и бесконечные тексты, присланные в редакцию, и вереницы рукописей молодых писателей для очередного семинара. И ведь честно читал нас! Ему искренне хотелось найти этих новых, ещё не известных, научить, продвигнуть, опубликовать.

Сотни откликов в интернете, сотни слов благодарности – так много он делал, успевал. При этом внешне неторопливый, спокойный. Как сказал белорусский поэт Анатолий Аврутин: “Как будто скала в море: вокруг него бурлит всё, пенится, а он всё равно стоит крепко, ничем не сломишь”. Мягкая походка, певучая размеренная речь, никаких жёстких линий или стрелок в одежде: шерстяные свитера, бежево-коричневая тёплая цветовая гамма, редкость жестов, разве что его фирменный наклон головы, когда слушал, да ироничная, но светлая улыбка – почти всегда. Никогда нельзя было по этой улыбке точно догадаться, что он сейчас скажет.

“Для меня самое главное – успеть сесть в поезд, я всё время мешкаю перед выходом и опаздываю. А уж как в вагон запрыгну, то дальше мне всё равно – отдаю всю ответственность машинисту, куда он там нас повезёт”. Он и сам был таким поездом для молодой литературы – найти новые имена, собрать их вместе в одном номере, перезнакомить, повести вперёд: к публикациям, к дружбе, к работе на года...

Работать он умел много, призывая и нас к тому же, поторапливая, подталкивая где-то. Когда мы познакомились, я была на первых месяцах беременности. После первой публикации Александр Иванович, окинув меня взглядом, очень серьёзно сказал: “Лена, я вам скидку на материнство не дам. Надо писать, надо обязательно писать, нельзя сейчас останавливаться, вы только начали”. Мне тогда смешной показалась такая серьёзность, отмахнулась, что, мол, и не планирую бросать, уж придумаю что-то, а оказалось, тяжело было не провалиться в эту рутину, однообразие, находить ещё время на такое отдалённое и абстрактное дело, как литература. Он действительно скидок не давал, несмотря на жалобы на недосып, писание урывками, пока качаешь коляску одной ногой, на то, что мир сузился до бытового, простейшего и раздражающего.

Шлешь, бывало, рассказ, в прямом смысле выстраданный – сколько бы часов можно было вместо него поспать! Шлешь с надеждой: хорошо ведь вышло, интересно же! А в ответ тебе разгромное что-то, грохочущее, крупными мазками про высокое в литературе, про идею, про подлинность, про героев... Что ещё страшнее – целые цитаты из твоего текста с негодующими комментариями: “Вот так писать нельзя!” И сидишь, ноешь сама себе, на жизнь сетуешь, что только время потратила, что всё это ни к чему, и нет никакого творческого зерна... А потом проходит пару дней, собираешься, вновь сядишь с тоской за текст, работаешь, трудишься. И во второй раз уже получаешь в ответ правки, вопросы уточняющие, крупницы намёков на похвалу.

На похвалу во время работы над текстами Александр Иванович был крайне скуп, на жёсткие замечания – напротив: раздавал их обильно и эмоционально. Порой боялась слать что-то недописанное – резкостью критики сразу желание писать отобьётся. Зато уже после публикации (десяток раз переписанного текста) на добрые слова не только лично, но и при всех Александр

Иванович был удивительно щедр. Иногда даже сидишь, краснеешь, неудобно слушать про себя, меня родители так никогда при ком-то не хвалили. И вот в такие моменты только и понимаешь, для чего были те споры, правки, обиды на резкость, поторапливания.

Мы много говорили и о личном, он охотно делился с молодыми писателями своими воспоминаниями о взрослении, взглядами на страну и семью, на мир и духовность, на политику и литературные события. С какой-то завистью, как о чём-то невозможном, нереалистичном, слушали мы, как Александр Иванович говорит о своей супруге, об их традициях, разговорах, поездках. И веяло от этих рассказов чем-то глубоко русским, духовным, ещё дореволюционным в этом уважении, нежности друг к другу. “Мы с Ниной начали перечитывать Толстого. Сейчас она мне читает его “Севастопольские рассказы” по утрам, потом обсуждаем...” Читать друг другу вслух – это что-то из чёрно-белых и невозможно тёплых рассказов моих родителей про их молодость... И с такой грустью он говорил нам: “Куда же вы, молодые, все расходитесь, разводитесь, как же вы с этим совместным опытом, воспоминаниями лет отрываетесь друг от друга”. С такими людьми, как Александр Иванович, уходит эпоха – они не только по-другому писали, они по-другому жили: иные отношения, иная бережность к людям, культуре, предметам.

Как-то он рассказал, что после смерти отца продолжал с ним вслух разговаривать ещё долгие месяцы, как будто тот всё ещё был рядом. Мне кажется, что многие из нас, его учеников, ещё долго будут по инерции обсуждать что-то с Александром Ивановичем, спрашивать.

Мне так хочется снова с вами поговорить, показать эту статью, поспорить о правках и обязательно потом посмеяться вместе... На столе лежит (конечно же, распечатанная им, а не присланная в цифровом варианте) чёрно-белая фотография с вручения премии имени Лескова. Александр Иванович только что что-то сказал и уступил мне место у микрофона. Мне казалось, неудачный ракурс схвачен: оба улыбаемся, вроде бы и повернуты навстречу друг другу, но в разных плоскостях, я – на переднем плане, стоя у микрофона, а он – на заднем плане. И улыбается он, уходя, так, что мне его уже не видно... Светлая память вам, Александр Иванович.

Юрий ЛУНИН, прозаик (Электросталь)

Начну с короткого предуведомления. В этом тексте я не буду говорить об ушедшем Александре Ивановиче в контексте его вклада в литературный процесс. Во-первых, я ничего не понимаю и никогда не пытался понять в этом процессе и сам никогда не соотносил с ним свою литературную деятельность. “Только не надо этим гордиться”, – любит в таких случаях говорить мой отец. Я и не горжусь, ни в коем случае. Просто это так. Такой я человек. Надо это признать. Во-вторых (и это напрямую связано с первым), я могу судить и говорить о людях, только исходя из личных душевных ощущений, испытанных в общении с ними. В этом случае уже не очень важно, является ли тот или иной человек “большим” или “не очень большим” в своей профессиональной сфере, оставил ли он в ней “значительный” или “малозначительный” след. Мерило одно – моя конкретная жизнь.

Хорошо помню первое – исходящее из одной только внешности – впечатление, произведённое на меня Александром Ивановичем. Это было на Звенигородском форуме молодых писателей (то ли 14-й, то ли 16-й год, не помню – я тогда, к своему стыду, очень сильно пил). Когда я увидел его, мне тут же вспомнился отрывок из книги Леонида Пантелеева “Верую” – тот, где автор вспоминает о Данииле Хармсе.

“ – Каким вы представляете Бога? – спросил меня однажды Даниил Иванович. – Стариком Саваофом, каким его изображают под куполом церквей?

– В детстве – да, представлял таким.

– А я и сейчас именно таким. Краснолицым, с белой пушистой бородой”.

Помню, я так и сказал кому-то про Александра Ивановича в тот день: “Краснолицый Саваоф”. Мне нравился его неизменный детский румянец, напрямую, как мне казалось, говоривший о здоровье, и не только физическом: о спокойном порядке в мыслях, о согласии человека с совестью. Когда я узнал

о его кончине, в голове раньше всяких слов зажёгся, как светофор, именно этот румянец. Зажёгся вопросом: “Как же так? Неужели это была не та *кровь с мо-локом*, которая гарантирует долгую-предолгую жизнь?” Может, именно этот румянец до сих пор не даёт мне по-настоящему осознать, что Александра Ивановича среди нас уже нет.

Это был, как мне кажется, человек жизни и о жизни. Это не значит, что он не думал о смерти. Просто он был *не о ней*. Уход таких о-жизненных людей всегда особенно обескураживает. Понимаешь народное выражение “на-гляя смерть”...

Как завязалось моё личное знакомство с этим замечательным “Стариком Саваофом”?

Насколько я понимаю, завязалось оно через Андрея Тимофеева, которому понравились мои тексты и который обратил на них внимание Александра Ивановича. И если в 14-м году, заявляясь на Звенигородский форум, я как-то полунаобум записался в “Октябрь” (с которым в итоге ничего не получилось), то в 16-м имел уже своего рода приглашение на семинар “Нашего современника”. Я откликнулся.

И не пожалел. До сих пор улыбаюсь при воспоминании об этом контрастном тандеме: романтический, взвихрённый, какой-то бетховенско-гофмановский и как-то не жутко, а весело пугающий Куняев в чёрной рубашке с расстёгнутым воротом – и румяный “Старик Саваоф” Казинцев с его негромкой речью, которую можно было слушать и слушать и которую я несколько раз пытался, но так и не смог дружески спародировать. Не смог, видимо, оттого, что пародия, как правило, опирается на некие слабости оригинала, на те моменты, в которых оригинал объективно смешон, а Казинцев не был смешон. Он обладал замечательным чувством юмора, но смешон не был. В его словах была сила, а силу спародировать сложно.

Внутри и вокруг этого живописного тандема рождалось необходимое творческое электричество. И ничем “консервным”, “законсервированным” (что тянется по коннотации за словом “консервативный”) на семинаре “НС” не пахло. Было хорошо и свежо. Было о литературе, о жизни.

Я сказал, что никак не соотношу себя с литпроцессом. Теперь я должен буду немного себя опровергнуть. У меня такое часто бывает. Признаюсь, иногда моя волей-неволей окрепшая связь с “Нашим современником” казалась мне чем-то вроде печати на лбу. Как, например, и моё вечно заочное нахождение в рядах “новых традиционалистов”, запротоколированное лёгкой рукой Андрея Тимофеева (как ты понимаешь, Андрей, всё это говорится любя). Ни идейным приверженцем “НС” (как и любого другого издания), ни “новым традиционалистом” я себя никогда не чувствовал и помню, что, говоря с кем-нибудь на эту тему, иной раз как бы оправдывался: “Без меня меня женили”. Что поделаешь – хочется иногда, чтобы твои рассказы воспринимались как странные, какие-то андеграундные, трудноопределимые, “для всех и для никого”. А тут – “новый традиционалист”!

В то же время, когда что-нибудь слишком уж иронизировал (или, лучше сказать, выражал слишком горячее соболезнование) по поводу “нового традиционалиста Юрия Лунина”, которого захомотал журнал, я уже не склонен был оправдываться и всегда говорил: “Что бы там ни было – для меня это, прежде всего, люди, которые меня поняли и полюбили. Они, а не кто-то другой, сказали мне слова, укрепившие меня в том, что у меня действительно есть писательский талант и мне надо продолжать писать”. Александр Иванович занимал среди этих людей важнейшее место.

В одном из писем я написал ему что-то вроде... хотя лучше подниму переписку и приведу, как было. Вот, нашёл: “Пожалуй, Вы единственный старший человек, с которым у меня получился неформальный разговор”. Это действительно так.

Быть может, в силу воспитания, а может, ещё по каким-то причинам, но я никогда не мог позволить себе запросто – то есть естественно и прямо – общаться со старшими людьми. В особенности людьми литературы. К примеру, Александр Евсеевич Рекемчук, чей творческий семинар я посещал в Литинституте, несколько раз, как мне кажется, давал мне почувствовать, что готов к чуть более личному и доверительному, чем на семинарах, диалогу со мной, но я, к сожалению, так и не смог начать этот диалог. Я боялся, что с моей стороны это будет выглядеть как непочтение, фамильярность. Что я не знаю ка-

кого-то особого языка, необходимого, чтобы говорить с мастером на равных.

Александр Иванович Казинцев каким-то образом сумел разрушить во мне эту возрастную преграду. Я спокойно говорил с ним на своём обычном языке, разве что в моих словах и мыслях обнаруживалось какое-то особенное, обретенное в самый момент разговора достоинство, самоуважение. Разговор с Казинцевым всегда делал честь. Облагораживал. Притом что позволял и не расшаркиваться.

В конце другого письма, в котором я неожиданно поведал Александру Ивановичу кое о чём глубоко сокровенном, хотя изначально намеревался всего лишь обсудить какой-то момент по поводу очередной публикации, я написал: “Вот видите, какой Вы человек, Александр Иванович. Даже не вижу Вас, а одно понимание, что Вы – мой адресат, уже рождает во мне какую-то особую доверительность, желание рассказать себя”.

Он звонил мне чаще, чем я ему. И я бы, наверно, звонил не реже, если б не тяготился тем, что придётся в очередной раз разочаровывать его, докладывая об отсутствии новой прозы. Видно, всё-таки не до конца я преодолел в себе какие-то преграды. Сейчас понимаю: не надо было тяготиться, а надо было звонить. Спросить о здоровье, признаться в любви – слушая собственный улучшенный голос.

Дмитрий ФИЛИППОВ, прозаик (Санкт-Петербург)

Я вспоминаю. Заходишь в редакцию “Нашего современника”, поднимаешься на второй этаж, потом налево, центральная приёмная. Перед тобой маленький столик с книгами по смешным ценам. Таких цен в книжных магазинах давно нет. И книг таких там нет. Бери любую – нетленка.

Крайний слева – кабинет Александра Ивановича.

Каждый свой приезд в Москву я старался найти время, хоть полчаса, чтобы зайти в редакцию и поздороваться с Казинцевым. Это был ритуал. Он мягко жал мне руку, смотрел с “ленинской” хитринкой и спрашивал: “Ну, что, Дмитрий, когда пришлешь новый рассказ?”

Вопрос был риторическим, и мы оба об этом знали. Потому что ни у меня, ни у кого другого не было индульгенции в отделе прозы. Пришлешь рассказ – молодец, но мы ещё посмотрим, публиковать или нет. И не публиковали, бывало. И обижался. Но на Александра Ивановича нельзя было долго обижаться.

Надо проговорить это вслух. Он первый в “толстых” журналах начал работать с молодыми авторами. Молодёжные августовские номера неофитов – это его заслуга. И только потом эстафету подхватил “Октябрь”, почивший в бозе, и остальные “толстяки”. Но первым был “Наш современник”. Я и сам такой же неофит, которого Казинцев когда-то заметил среди туманного и разухабистого угара “Липок”.

Каждый приезд – особенный. Александр Иванович не предлагает выпить чаю, а тут же нагружает работой:

- Вот, рукопись прислали, посмотри.
- Александр Иванович, ну, я же на минутку...
- Ничего, ничего, посиди, почитай.

Уходит. Оставляет тебя с рукописью. Читаешь. Потом разговоры о тексте. Никогда не говорит, кто прислал.

- Зачем тебе имя? У тебя есть текст, вот его и пробуй на вкус.

Мне казалось, что этот человек никогда не умрёт, как не может умереть отец. Ну, он же есть, он всегда рядом, ты с ним не видишься по полгода, но знаешь, что он где-то есть, и от этого знания тебе просто спокойно. Ты всегда можешь написать, позвонить, что-то обсудить. Почти никогда не звонишь и не пишешь, но ведь есть сама возможность! И тебя это успокаивает. Система координат цельна и нерушима. А потом тебе звонят и говорят: “Дима, Казинцев умер”. Как табуретку из-под ног выбили.

В 2013-м или 2014 году он заметил меня, молодого и глупого, на семинаре в “Липках”. Возвращались обратно в Москву автобусами, он сел сзади меня, как всегда спокойный и умиротворённый. Внезапно автобус наполнился весельем, гамом, ввалилась компания мастеров одного “толстого” поэтического журнала. И главред этого журнала, поравнявшись с креслом Александра

Ивановича, увидев стопроцентного мастера, пьяненько и по-свойски спросил:

– С вами можно?

– Нет, со мной нельзя, – ответил Казинцев.

Главред опешил, но попытался выйти из этой неудобной ситуации. Спросил утвердительно:

– У вас, наверное, занято.

– Нет, у меня не занято.

Повисла долгая пауза. Не два редактора – два полюса смотрели друг другу в глаза. Даже в воздухе что-то скрипнуло. После этого главред молча сглотнул и прошаркал вглубь автобуса.

Я таким и запомню Александра Ивановича: спокойным, интеллигентным, непримиримым к пошлости и бездарности. Пошлости он не терпел, не подпускал к себе на пушечный выстрел.

Как-то всё дальше без него будет идти. Как – не представляю...

Ирина МИХАЙЛОВА, прозаик (Люберцы)

С Александром Ивановичем Казинцевым мы знакомились три раза. Первый – заочно, через Бориса Николаевича Тарасова, бывшего ректора Литературного института, когда тот порекомендовал мой рассказ для публикации в журнал “Наш современник”. Помню, как Борис Николаевич спросил меня: “Знаете ли вы Александра Ивановича? Дайте ему свой рассказ для молодёжного номера”. Александра Ивановича я тогда не знала, хотя о “Нашем современнике”, конечно, слышала. Но мне всегда казалось, что опубликоваться в таком журнале почти невозможно – слишком серьёзный и неподъёмный он для меня. Борис Николаевич дал мне телефон Казинцева и просил позвонить ему как можно скорее. Звонить я боялась. Наверное, на первом курсе института я бы позвонила, не раздумывая. Тогда была какая-то смелость, которая сродни наглости – хорошей, заставляющей двигаться вперёд. Сейчас она исчезла, и звонить заместителю главного редактора, рекомендоваться, просить прочитать свой рассказ я не решалась целый день – думала, как начать разговор, как представиться, что говорить. Но вечером всё же позвонила... после рабочего дня, и не сразу обратила внимание на позднее время. Александр Иванович ответил быстро, выслушал меня и попросил прислать рассказ. Я уже не помню, что именно я говорила, помню только, что волновалась, перепутала его отчество и, кажется, забыла поблагодарить и попрощаться. Любой другой редактор, наверное, после такого первого разговора не дал бы шанс на второй. Но то ли Александр Иванович не обратил на всё это внимания, то ли понял и оправдал моё волнение, однако уже через месяц вышел молодёжный номер журнала с моей первой серьёзной публикацией. Всё оказалось просто. И эта простота, с которой со мной, начинающим писателем, говорил такой человек, внушала уверенность в своих силах.

Александр Иванович всегда говорил со мной уважительно, как будто мы коллеги, как будто мы на равных. Мне и раньше доводилось общаться с редакторами журналов, куда я приносила на рассмотрение свои рассказы, но всегда чувствовала напряжение, словно я просила того, чего мне пока не полагалось по статусу. В разговоре с Александром Ивановичем такого не было. Было ощущение, словно разговариваешь со знакомым, которого давно знаешь. Лёгкость, обходительность и уважение, наверное, сразу и привлекли меня. В момент, когда ты не уверен в себе, просто необходима такая поддержка. Я чувствовала её во всё время нашего, к сожалению, недолгого знакомства – почти три года.

Второе наше знакомство состоялось ровно через год. Александр Иванович позвонил мне на этот раз сам и сказал, что берёт мою повесть в журнал. Я отправила текст на общую редакторскую почту, ни на что особенно не надеясь, и каким-то чудом его выдернули из общего потока рукописей. Он тогда позвонил и спросил просто: “Это Казинцев. Помните такого?” Конечно, я помнила. И не только потому, что он помог мне с публикацией. Что-то было в нём, что заставляло помнить, – мягкость, доброжелательность. У меня сохранились письма от Александра Ивановича. Недавно я пересматривала их: они короткие, по существу, всегда начинаются со слов “Дорогая Ирина”. Так в письмах ко мне обращался только Александр Евсеевич Рекемчук – мой ма-

стер по семинару Литературного института. Сейчас, когда ни моего мастера, ни Александра Ивановича больше нет, я смотрю на эти письма и чувствую поддержку. Забыть такое уже невозможно.

Но основательно мы познакомились уже на Форуме молодых писателей в 2019 году. Тогда Форум проходил в Ульяновске, я была на этом мероприятии первый раз, но страшно не было, потому что я выбрала семинар “Нашего современника” и знала, что там царит рабочая, но дружественная атмосфера. Во многом её создавал Александр Иванович – своим присутствием, отношением к участникам, к рукописям. Он всегда вначале давал слово нам. Иногда мы говорили долго, но нас никто не перебивал, не останавливал, Александру Ивановичу нравилось слушать нас. Возможно, он находил что-то и для себя в наших словах, что-то новое, важное. И это тоже было его удивительное качество – он учился у нас точно так же, как мы учились у него. Это были равноправные отношения, которые двигали вперёд и нас, и его. Я абсолютно уверена, что только в таких отношениях и можно что-то построить.

Запомнилось мне и наше неформальное общение после семинара, когда мы говорили о том, что такое настоящая литература. Честная? Искренняя? Обращённая к человеку? Созидающая? Наверное, всё вместе. Как говорил Александр Иванович на семинарах: “Это хорошая основа для художественности”. Основа. Вот что он для меня значил – основа, на которую можно опереться. И мне никогда после окончания института не было так спокойно.

Потом, уже в 2020 году была короткая переписка по поводу моей новой повести. Её не взяли в журнал, за что я тоже благодарна Александру Ивановичу: повесть сырая и совершенно не готова к публикации. Он опять оказался прав – необходимо работать. Работать на износ, если хочешь, чтобы хоть что-то получилось. Наверное, он и сам так работал. Даже в этот страшный год, когда многие поставили свою жизнь на паузу, он не остановился. Семинары, встречи, съезды, форумы... Он просто не мог иначе. Это была огромная, очень значимая часть его жизни. Потребность двигаться вперёд, постоянно развиваться. На моём пути должен был встретиться такой человек, как Александр Иванович: принципиальный, предельно тактичный, думающий, прежде всего, о тех, кому нужна поддержка и помощь. Он появился именно в тот момент, когда такая поддержка была мне необходима. И это не только помощь в публикациях, мне нужно было с чего-то начать свой путь. Если бы не Александр Иванович, я бы так и продолжала топтаться на одном месте.

В последнем его письме, адресованном мне, я читаю: “Умница. Всё правильно сделала”. Я не знаю, так ли это. Правильно ли я поступала, о том и так ли писала, верный ли выбирала путь. Но я уверена в одном: поддержку Александра Ивановича я чувствую до сих пор. Сейчас я опять, как и в 2018 году, стою на очередном перекрёстке, но Александра Ивановича больше нет. И эта пустота уже не заполнится. Терять людей тяжело, а терять их так неожиданно, когда ещё не обо всём поговорили, не всё обсудили, не все планы реализовали, ещё тяжело.

Наверное, единственное, что я могу сделать, – это работать дальше. Воплощать то гуманистическое начало, о котором мы часто говорили. Думать о человеке, писать о том, что происходит сейчас. Идти своей дорогой. И помнить тех, кто шёл рядом, хоть и не так долго, как хотелось бы.

Вечная память Александру Ивановичу Казинцеву. Ведь человек жив до тех пор, пока в него верят и пока о нём помнят.

Платон БЕСЕДИН, прозаик и публицист (Севастополь)

С Александром Казинцевым мы познакомились на Форуме молодых писателей в Липках. Конечно, я знал, кто это такой, и до того момента, смотрел восхищённо, но полноценного разговора у нас с ним не случилось. Тут же ко мне подошёл благообразный седовласый господин с молодым фруктовым румянцем на щеках и, дыша паром (дело происходило на улице, под соснами лежал снег), умиротворённо сказал:

– Платон, я слышал, у вас хорошие рассказы...

Я смутился, ясное дело. А как иначе? Что-то ляпнул в ответ. Но разговор, вопреки моей угловатости, вдруг завязался, стал чем-то обязательным и естественным. И мы отправились гулять с Александром Ивановичем по засне-

женному парку. Всё как-то быстро срослось, устроилось. Я в принципе такой: чувствую сразу — мой человек или нет. К Александру Ивановичу тянуло, как пишут плохие авторы, словно магнитом. Сам Казинцев такого штампа однозначно бы не одобрил — он был справедлив и строг на “липкинских” разборах, но вместе с тем всегда защищал того (из милосердия, прежде всего, дабы не оказалось совсем горько на душе критикуемого), на кого набрасывались остальные. Собственно, о литературной критике мы и беседовали в ту первую нашу прогулку.

Со временем они стали постоянными.

— Пройдёмся? — спрашивал я его.

А он охотно соглашался. И мы гуляли. По волглому пансионату в Листвянке, по душному Краснодару, по промозглому Санкт-Петербургу — много где. Я старался идти рядом, поначалу относясь к нему с трепетным восхищением (так смотрят подростки на рок-кумиров), но со временем уже с товарищеским братством.

Говорили мы, конечно, в основном, о политике. И меньше — вот что странно — о литературе. А если и затрагивали её, то, главным образом, в контексте молодых писателей. Собственно, я ведь тоже так и попал в круг Александра Казинцева. Его радушное, почти отцовское отношение к молодым было удивительно ласковым и дальновидным. Он, пожалуй, верил, что именно 30-летние и те, кто младше, способны принести решительные перемены. Не только в литературу — в мир.

Казинцев собрал вокруг себя, вокруг “Нашего современника” тех молодых авторов, которые должны были стать, если угодно, ударной группой. Не знаю, удастся ли это им в итоге. Почему им, а не нам? Я всегда держался, как говорят, особняком. Не из-за высокомерия или превосходства, нет — скорее, из-за стеснения. А ударная группа меж тем росла: Андрей Тимофеев, Елена Тулушева (любимица, чего уж скрывать), Юрий Лунин, Андрей Антипин, Марина Перова и множество других. Дай Бог, всё у них получится. Так или иначе, Александр Иванович приложил для этого все необходимые усилия — и даже больше.

Он был, конечно, выдающимся подвижником, в том числе и в работе с молодыми авторами. Уверен, что если появится новая премия, то назвать её необходимо именем Александра Казинцева. И давал бы я её, прежде всего, молодым (до 35 лет) литературным критикам и публицистам.

Много мы беседовали и о религии. Редко у кого я встречал столь глубинное понимание Православия, как это было у Александра Ивановича. Он объяснял очень тонкие, возвышенные материи заботливо и доступно. И на душе становилось радостнее. Казинцев вообще умел дарить, знал, какое это чувство — радость. Впрочем, о наших православных беседах тут говорить не стану. Вспомню лишь один эпизод. В тот день, когда Александр Иванович подошёл ко мне после прогулки на ужине, мы, сев за один стол, одновременно перевернулись перед приёмом пищи — и тут же тепло друг с другом переглянулись. С пониманием, как единомышленники.

Благостная картина получается? Ну, так он был мудрейший, тактичный человек. Из другой эпохи, не иначе. Что, впрочем, не мешало нам спорить — и делать это регулярно. Я наваливался пламенно, рьяно, точно булавой размахивал, а он отвечал иронично, тонко, будто делая изящные выпады шпагой. Кстати, что-то мушкетёрское было в его облике, не правда ли? Не только благообразное, как у старца, — кто-то о нём так отзывался: “благообразный старец”. Помню, меня это ещё резануло. Какой старец? Молодого — и молодецкого даже — в Александре Ивановиче хватало.

Этот его несравненный — рапирный — взгляд. Одна только высеченная искра, но её хватало, чтобы зажечь собеседника или, наоборот, спалить оппонента. Когда Казинцев бывал не согласен, то в глазах его мелькала это ироничное, чуть колкое и вместе с тем добродушное выражение. Мол, я знаю чуть больше — и козыри у меня припасены. Но всё это без какой-либо навязчивости или тем более тщеславия. Тут мне вспоминается известная история — она, мне видится, применима к *modus operandi* и *modus vivendi* Александра Ивановича — из китайской то ли истории, то ли мифологии. Когда у Конфуция спросили: “Скажи, учитель, можно ли прожить жизнь, руководствуясь одним словом?” — мудрец ответил: “Да, такое слово есть. И слово это “снисходительность”. Умение понимать и принимать человека, несмотря на все его не-

достатки — великое достижение.

Тут, впрочем, важно не путать снисходительность со всеогласием. Это явление — совсем из другой области. К Александру Ивановичу соглашательство не применимо ни в коей мере. Я мало видел людей столь увлечённых, принципиальных, умеющих мягко, но вместе с тем последовательно отстаивать собственные убеждения. И ведь Казинцев, будем честны, пожертвовал ради них многим. Сколько литераторов, мыслителей пусть и на мгновение (а некоторые используют сию практику регулярно) становились подобны флюгеру, но только не Александр Иванович. Тот был верен своим идеалам всегда. Да, воззрения его, как у человека разумного, мыслящего, развивающегося, модифицировались в зависимости от получаемых впечатлений и знаний, однако ключевое — то самое ядро — оставалось неизменным и тщательно им оберегалось.

Александр Иванович, как никто другой, умел решительно отстаивать свою позицию, говоря настолько убедительно, что несогласные порою колыхались, точно от порывов ветра. Он был блестящим полемистом, преобразавшимся перед публикой, — из спокойного господина Казинцев превращался в огненного великана, готового биться за соль земли. Помню, к примеру, как на Лихоносовских чтениях (это, к слову, была наша последняя встреча) Александр Иванович, пламенея, выступал перед молодыми, говоря о важности самоорганизации, о переменах, которые назрели. И тогда я имел дерзость спорить с ним, а он отвечал жёстко — в общем, сцепились. Мне до сих пор кажется, что мы так и не поняли друг друга по-настоящему, а объяснить толком затем не сумели.

Александр Иванович вообще любил это слово — “боец”. Просил стойкости от остальных, но, прежде всего, требовал её от самого себя. Он снова и снова доказывал, что настоящий боец — не тот, кто машет кулаками, бросая яростные лозунги, а тот, кто несгибаем внутри, кто готов отстаивать свои взгляды до последнего и вместе с тем признавать ошибки. Нельзя уступать ни пяди своих идеалов. Нельзя равнодушно наблюдать за происходящим. Александр Иванович учил молодых (впрочем, тут скорее мне правильнее говорить за себя) не столько литературному мастерству даже, сколько желанию и смелости отстаивать человеческое достоинство. И при этом не костенеть, не вязнуть в топи обыденности.

Он ведь сам прошёл удивительную эволюцию от поэта с довольно-таки либеральными взглядами до истинного патриота из журнала “Наш современник”. Его стихи — я перечитывал их на днях — удивительно нежные и мудрые в своих глубинных касаниях (понимаю, что не все могут воспринять данную формулировку). Но это именно лёгкость настоящего — когда возвышенное не прячут за нагромождениями, требуя инициации, но, наоборот, стараются сделать максимально доступным; достаточно лишь уметь слышать сердцем или пытаться уметь, впрочем, подчас это и есть самое трудное.

А вот полемистом, публицистом Казинцев был во многом другим. Тут правила стихия огня, но опять же не разрушительная, а согревающая. Не самый свежий и тонкий образ я сейчас, возможно, использую, пусть Борхес и писал, что банальности самые точные вещи на свете, но, согласитесь, в Александре Ивановиче было многое от Прометея, несущего огонь людям. И, повторяю, ради этого он жертвовал многим.

Ещё одно научение от Казинцева — это быть готовым к тому, что если ты ищешь правду и не желаешь примыкать ни к одному из лагерей, примыкать до растворения в них, то будь готов страдать за свои убеждения, терпи. Его самого обвиняли во многом лишь потому, что он не желал вписываться ни в какие схемы. Слишком “левый” для “правых”, слишком “правый” для “левых”. Истинный патриот, но не из тех, кто за деньги, кто подобоострастен, а патриот настоящий, пламенный, за Родину, за народ, а не за власть бьющийся. “Патриот” вообще очень важное слово для понимания роли Александра Казинцева в истории.

Александр Иванович всегда оставался абсолютно самодостаточной фигурой, точно русский остров, к которому ещё предстоит навести мосты. Но ведь он и сам настойчиво предлагал строить их. Одним из первых и ярче многих Александр Иванович заговорил о необходимости из “двух великих культур сделать одну” и стал удивительной по своей отваге и масштабу фигурой в бесконечном споре славянофилов и западников. Наверное, в идеальных услови-

ях, в мире правильном, а не вывихнутом, Казинцев оказался бы не просто мостом, примирителем, но своего рода проводником для синергии нового свойства, которая объединила бы в себе лучшее. Но то – в идеальном мире. А в реальном Казинцеву приходилось отстаивать даже самую возможность того, чтобы давать не чёрно-белый, а цветной взгляд, не сводя его к замшелым банальностям и скучным лозунгам.

Непростительно мало издано его книг, но достаточно статей, которые, безусловно, необходимо объединить и издать несколькими томами, чтобы изучать их тщательно и глубоко – штудировать, не иначе. Ведь Александр Иванович был визионер, который меж тем, по аналогии с его известной статьёй, играл не на понижение, а только на повышение. Он задавал новые стандарты для русской литературы, которые, к сожалению, одним виделись слишком “правыми”, другим – слишком “левыми” (хотя тут можно использовать любые иные антитезы). Но именно это и изумляло меня в нём – умение примирять, сочетать, объединять и создавать в конечном счёте идеальный сплав наивысшей духовной и социокультурной пробы.

Однако при всей его многогранности имелось то, что характеризовало его наиболее полно: Александр Казинцев был русским мыслителем. Вот что важно. И это не вопреки многогранности, а как раз-таки благодаря ей, потому что подлинно русское подобно тканому ковру, органично сочетающему в себе самые разные элементы, соединённые одним могучим талантом. Русский – это когда ищешь и отстаиваешь правду, правду как истину и как справедливость. Русский – это когда возвышаешься через очищающее страдание, но не упиваешься им. Таких людей в истории, на самом деле, было совсем немного. Александр Иванович Казинцев стал одним из них.

И дай Бог, чтобы семена, посаженные им, в итоге всё-таки проросли. Потому что тогда у России есть будущее. То будущее, в основе которого будут великая традиция и самоорганизация талантливых людей, как и желал того Александр Казинцев.

Кристина КАРМАЛИТА, поэт (Новосибирск)

*Стихи повалятся, повалятся,
как снег в сибирском феврале,
и Александр Иваныч отправится...*

Хуже недописанных стихов только неотправленные письма. Это стихотворение я нашла в черновиках переписки за 2018 год. Куда отправится Александр Иванович? Теперь уже и не вспомнить. . .

Память – своенравная дамочка – зачастую хранит пустяки и выбрасывает важные вещи. Во всяком случае, моя. Я борюсь с ней так много лет и теперь уже точно могу сказать: она победила. И так, празднуя победу, память снисходительно подкидывает мне некоторые картины, чтобы уж совсем я не потеряла себя – такой расклад и ей не сулит ничего хорошего.

Одной из таких “подкинутых” картин является картина знакомства с Александром Ивановичем Казинцевым. Как бы уберечься во всех этих воспоминаниях о другом человеке – от воспоминаний о себе? Никак не получится. Но ты, читатель, имей в виду, что “и это всё о нём”.

В 2015 году судьба устроила меня на Совещание молодых писателей Сибири, Урала и Дальнего Востока – первое и последнее совещание под таким названием, проведённое фондом Сергея Филатова на базе отдыха под Томском. Это был мой первый “липкинский” опыт, довольно сильно изменивший дальнейший ход жизни. Но перемены не приходят сами по себе – их приводят или события, или другие люди.

Ничего, в общем, не предвещало мне знакомства с Александром Ивановичем, кроме того, что мы находились в одном пространстве и времени. Он вёл один семинар поэзии, я участвовала в другом. С половиной людей, собравшихся тогда на базе, я до сих пор так и не знакома лично.

– Кто это? – спросила я через пару дней у своего товарища Антона Метелькова.

– Казинцев, наш руководитель.

– Почему он на меня так смотрит?

— Он на всех так смотрит.

На всех, так на всех — успокоилась я, но на всякий случай старалась меньше попадаться на глаза Деду Морозу в белом костюме — белая борода, округлое румяное лицо, неизменная улыбка, добрый, чуть грустный и одновременно лукавый взгляд — внешность Александра Ивановича не оставляла вариантов для прозвища.

Номер не вышел, вернее, его номер вышел где-то на одном этаже со мной, так что мы неминуемо столкнулись вечером у кулера.

“Что же это он опять смотрит и улыбается, надо бы что-нибудь выкинуть”.

Улыбающиеся мне незнакомые люди почему-то всегда вызывали желание схулиганить или, по крайней мере, переглядеть их улыбку непроницаемым лицом злого бегемота. Так мы познакомились с бывшим мужем.

— А вы пойдёте слушать талантливых молодых поэтов? — сказала я и тут же смутилась своей наглости.

Шутку надо понять. По вечерам проходило поэтическое мероприятие, в котором соревновались участники совещания. Я была одним из них и, конечно, выступала со всеми. Никаким, Боже правый, талантливым поэтом я себя сроду не называла, но Александр Иванович так улыбался, что мне захотелось повыделываться. Думаю, однако, что всё это было только в моей голове.

— Нет, слушать не пойду, но вот если вы принесёте мне распечатку своих стихов, с удовольствием прочту.

— Почему же с удовольствием, может, у меня плохие стихи.

— Не думаю. У вас небанальное лицо.

На этом пластинка съехала, я залепетала что-то о том, что “обязательно — завтра, правда, распечатки у меня нет, но я найду, придумаю, смастерю принтер... а сейчас надо идти, доброй ночи, прекрасного утра, хорошего завтрака...” — долго ещё какое-то бормотание бродило в моей голове, а перед глазами стоял спокойный молчаливый улыбающийся совершенно не известный мне человек.

Что здесь, собственно, такого? Велика важность — попросил почитать стихи. Во-первых, это был первый и единственный в последующие пять лет участия в различных совещаниях представитель руководителей семинаров, который сам — не то, что будучи знакомым, даже не зная моего имени, — попросил тексты.

А во-вторых, конечно, в том была большая доля провинциальности моего сознания: москвич, руководитель — где он и где никому не известная девушка из... кстати, откуда я, он также не имел понятия. Да это и не волновало Александра Ивановича — кто и откуда. Потому что кем-то для него человек становился не благодаря своему происхождению или званию, а благодаря собственному особому взгляду Александра Ивановича, видевшему что-то своё, чего, может, и не было вовсе, но, как известно, красота в глазах смотрящего.

Так, по крайней мере, мне думается — по размышлению об этой и других подобных историях, которые посыпались по “Фейсбуку” после трагического известия седьмого декабря: “Александр Иванович был первым, кто меня напечатал, когда я никому не был нужен”; “Александр Иванович много для меня сделал”; “Александр Иванович очень помог”...

В той же переписке 2018 года, в которой я писала и не дописала шуточное стихотворение о нём и ему, мы решали важную проблему: как выставить на сайт журнала “Сибирские огни” электронную версию книги Елены Тулушевой “Первенец”. Что-то было не то с форматом PDF, текст в книге не хотел ни быть русским, ни стоять в строке. Александр Иванович пересылал мои письма верстальщику, потом от него обратно мне. Когда книга была выставлена, он заметил, что заглавие публикации таково, что её трудно будет найти по поиску — снова письма, просьбы исправить, проверка, благодарность...

Уходило его время, силы, мысли сбивались всей этой суетой — не знаю даже, знал ли сам автор о том, как о нём хлопчут и переживают. Через полгода мы встретились в Кемерово, и Александр Иванович подарил мне бумажный вариант книги Елены с предложением написать на основе какого-нибудь рассказа сценарий или пьесу. А ещё через полгода интересовался, какова статистика просмотров публикации “Первенца” на сайте.

Не сказать или сделать — и забыть, а постоянно вести человека, в кото-

рого он верит, искать для него новые возможности, держать руку на пульсе. При некоторой патетичной манере высказывания, Александр Иванович, как мне кажется, не был пафосен, поэтому и я не буду ударяться в эту область, а вернусь в прошлое, в переломный для меня 2015 год.

Можно было решить, что незнакомый человек попросил стихи из вежливости или неловкости ситуации, когда тебя куда-то зовут, а ты отказываешься и хочешь сгладить свой отказ другим согласием. В общем, я тихонько про себя так и решила и, вернувшись в Новосибирск, воспользовалась своей короткой памятью и быстренько обо всём забыла. Но у Александра Ивановича память была длиннее и крепче. Да и вообще, дело было не в памяти.

— Это Кристина Кармалита?

По особой манере речи я, конечно, сразу догадалась, кто мне звонит.

— А это Александр Иванович?

— Звоню порадовать вас, вы — в списке участников “Липок”, поздравляю! Антон тоже, но ему пока не говорите, это секрет.

Стихи Александру Ивановичу понравились, он опубликовал их в ближайшем молодёжном номере “Нашего современника”, рекомендовал меня на молодёжную премию журнала. Дальше было ещё много разных рекомендаций, более или менее успешных, упоминаний моей фамилии при всяком удобном случае (из письма А. К. 2015 года: “Я говорил о Вас и просил запомнить Ваше имя”), пятилетняя переписка с постоянной просьбой присылать стихи, редкие, но очень тёплые встречи в разных городах России.

Но всё это — лишь частный случай большой работы и заботы Александра Ивановича о литературной молодёжи — зачастую дезориентированной, чувствующей себя потерянной и ненужной. Не случайно именно Андрей Тимофеев, которого Александр Иванович очень высоко ценил (из письма А. К. 2015 года: “Надеюсь, у меня в этом году будет хороший семинар, не зря я всё лето отбирал молодых авторов. Правда, лучший из них — Андрей Тимофеев — приехать не сможет”), возглавил первую на постсоветском пространстве организацию, ставящую своей задачей поддержку и продвижение молодой литературы. Большое начинается с малого и, как мне кажется, не без участия Александра Ивановича заварилась эта густая каша молодёжного движения — не обязательно личного участия, но опосредованного всей его многолетней деятельностью по собиранию и сопровождению молодых авторов.

Портрет получился довольно благостным, а между тем — “широк человек”, и как бы не показался Александр Иванович слишком узким в моих воспоминаниях. Но что делать — мне повезло узнать лишь лучшую его сторону. Однако ничто не расскажет о человеке так хорошо, как он сам. Поэтому позволю себе процитировать некоторые выдержки из писем Александра Ивановича ко мне, в которых хорошо видно, что его добрый портрет не был скучен. По прочтении обнаружила (а так и не задумывалась, увы), что он был единственным человеком, которому я регулярно в течение пяти лет отправляла все свои новые стихи.

“Дорогая Кристина!

Читаю Вас в унынии и скорби.

Как это Вас не будет на моём семинаре?! Да что же это деется? Я так рассчитывал на Вас. Скажу честно, не только на Вас, но и на замечательного прозаика Андрея Тимофеева... На талантливейшего прозаика Андрея Антипина... Тут и Метельков отписал: “Пока денег нету”. И с кем же я останусь? И зачем же я всё лето мотался по форумам молодых, искал таланты для Липкинского — самого главного — совещания?

Нет уж. Будьте добры. Хоть на один день, но приезжайте. Я Вам семинар покажу, а Вас семинару. Погоржусь: вот какие таланты в Сибири водятся!”

“В России издавна повелось, что уважают своего только тогда, когда его уважили иностранцы”.

“Простите, что не ответил сразу. Был в Краснодаре, где проходила Конференция, посвящённая выдающемуся русскому публицисту и политическому деятелю (это в советское-то время!) Юрию Селезнёву. Я вывез туда двух моих учеников — прозаиков Тимофеева и Тулушеву. Делали доклады они, делали доклады о них, потом я спорил со всеми. На следующий день мы выехали на мо-

ре – катались на яхте, они плавали, а я грустно сидел один и ко мне подходил классик современной литературы Виктор Иванович Лихоносов и каждый раз поднимал бокал со словами: “За Ваше одиночество, Александр Иванович”.

Это была его маленькая месть за мой спор с ним по поводу молодых. Представьте, Кристина, не читая произведения, вообще не имея представления об этих авторах, только по докладу Виктор Иванович вынес вердикт: молодые копаются в грязи, он их читать не будет и другим не советует. Ну, пришлось поспорить с классиком. Я превознёс его достоинства и интуицию, но не без ехидства заметил, что даже самый чуткий человек не может судить о произведении, которого он не читал! Виктору Ивановичу пришлось извиниться, но месть, как оказалось, он затаил”.

“Стихи прочитал с удовольствием. Как и все Ваши. Хотя начинаю побаиваться кармалитазависимости. Или как это сказать точнее? Всё действительно здорово. Но временами во мне просыпается задушенный 30 лет назад критик. Он сомневается: не слишком ли легко так писать? Поймала интонацию, драйв, окутала всё это блестящей кисеей непонятности – и готово, пожалуйста! Есть ли за этим завораживающим покровом человеческая глубина? Больше всего мне понравилось стихотворение “В этом мире волооком”. Там человек точно есть. Об остальных стихах предоставляю думать автору. Кто же, как не он, знает свои творения”.

“Будьте покойны: человеческая глубина – это художественная категория, она присутствует в тексте и может быть идентифицирована. Она не разгуливает сама по себе по Невскому проспекту. И от Вас не убежит”.

“С удовольствием буду читать Ваши новые стихи и просто рассуждения о погоде в Москве и Новосибирске. Приятно знать, что у кого-то погода хуже, чем у тебя!”

“Вы говорите: “Стихи не пишутся”, – а сами только что написали стихотворение в прозе “О стрижах”. Бросьте хандрить, погуляйте и начинайте нащёптывать в такт шагам. Не знаю, как у Вас, а у меня именно так всё и пишется”.

Формула простая, но так просто применить её не удаётся, и недописанное стихотворение в неотправленном письме Александру Ивановичу никак не двигается дальше трюеточия. Но в этом нет особой беды, настоящая беда в том, что письмо уже никогда не сможет быть отправлено адресату.

Яна САФРОНОВА, критик (Москва)

Последней рабочей поездкой Александра Ивановича стал Белозерск, где открывали музей журнала “Наш современник”, в котором он проработал без малого сорок лет. “Это большая часть моей жизни. В каком-то смысле журнал и есть моя жизнь”, – говорил он на открытии. Видел и свои книги среди предметов экспозиции, гордился и любовался. До открытия в качестве консультанта помогал разрабатывать концепцию, подсказывал, где и какие статьи разместить, на чём сделать акцент... Александр Иванович в совершенстве знал историю журнала, потому что был одним из её создателей. Он с благодарностью смотрел видеообращения молодых писателей, которые показывали на мероприятии. Многие говорили о нём, признавались, что именно он привёл их в журнал.

А он и правда приводил, иначе не скажешь. Меня, например, высмотрел зорким взглядом на одном литературном интернет-портале. Попросил своего ученика намекнуть, что сотрудничество было бы возможно, если бы я предложила какую-нибудь статью для “НС”. Упустить такой шанс было бы просто глупо, и вот через три месяца статья про молодого прозаика Дмитрия Филиппова вышла. Александр Иванович пригласил в редакцию за авторскими – так началось наше с ним творческое общение, а после публикации той работы и моя карьера критика. Удивительное дело: мы регулярно созванивались, чтобы поговорить о продолжающемся сотрудничестве, и ни одно моё письмо

по электронной почте он не оставил без ответа. И это Александр Казинцев, глыба публицистики и многолетний заместитель главного редактора, у него наверняка на это совсем не было времени... Уже позже, работая в журнале, я узнала, что свой рабочий день Александр Иванович начинает с обширной переписки с авторами со всей страны и телефонных звонков. Для каждого у него находился ответ, важное и нужное именно сейчас слово.

Но особенно подробными и вдумчивыми были его диалоги с молодыми писателями, к новому поколению "НС" он относился трепетно. В этих диалогах он делился сокровенным, героями их становились Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Селезнёв, Вадим Кожинов, Пётр Палиевский, Сергей Викулов... перечислять можно бесконечно. И литература оживала, разворачивалась перед тобой кипучей жизнью, хотелось сразу читать и перечитывать тех, о ком он рассказывает с таким теплом и увлечением. Деятельность его как наставника не ограничивалась одними только наставлениями. Александр Иванович регулярно вёл самые разные семинары, искал талантливых ребят буквально везде. А потом не бросал их, но наблюдал и поддерживал, предлагал их произведения в журналы, номинировал на премии, способствовал заграничным писательским поездкам. Словом, он своими руками создавал литературные судьбы многих и многих, делал всё, чтобы литературный процесс в России продолжался.

А ещё он, конечно же, писал. Много и разное: начинал как поэт, продолжил как критик, прославился как публицист, а в конце жизни опять вернулся к поэзии. Александр Иванович делился, что в последнее время ему не давалась малая форма. Он начинает писать, но мыслей так много, что текст всё разрастается, структура усложняется, и вот она уже давит всей своей силой и никак не даёт закончить. Порой Александр Иванович побеждал в этой борьбе (например, в статье под названием "Новая ненормальность" в № 7 за 2020), а иногда оставлял её. И тогда возвращался к стихам. За последний год у него было две поэтические публикации, составленных из стихотворений прошлых лет: в февральском номере журнала "Москва" и в одном из августовских номеров "Литературной газеты". Критиком он был хотя и доброжелательным, но строгим и внимательным, молодым всегда давал совет: пишите о ровесниках, вам будет проще понять их тексты, ведь вы из одного поколения. Моя любимая его статья как раз об этом – "Начало пути: жизненный опыт и схемы" в № 12 "Нашего современника" за 1983 год. Критик в этой статье выступает против вхождения в литературу рейдерскими группами, предупреждает: "Молодые и не такие уж молодые авторы обнаружили, что в литературу проще входит группами, эшелонами, с бою. Необходимо только напомнить представителям "новой волны", что монолитность литературных волн относительна. Их направленность, силу, эффект определяет не безымянная масса, а творческие индивидуальности". Создавая свою волну через многие годы, Александр Иванович помнил об этом. "Поколение НС" – сформированное им в литературную группу поколение прозаиков – это, прежде всего, творческие индивидуальности.

Немногие знали, каким человеком на самом деле был Александр Иванович Казинцев. Я тоже не могу похвастаться этим знанием в полной мере, хоть мы и работали бок о бок последние два года. Ты вроде и составил о нём мнение, вместил его в свою картину мира, и вот – он удивит тебя так, что осознаёшь: ничегошеньки ты о нём так и не понял. Вот как начнёт рассказывать про своих двух кошек, описывать, как наклоняют они пушистые головки, ласково ложатся под его руки. Или придёт на работу и сразу позвонит жене, из незакрытой двери кабинета доносится: "Да, мой хороший, я пришёл. Погода сегодня чудесная, листья ложатся удивительным золотым ковром...". И так каждый раз рассказывал о том, что видел по пути на работу, стремился запечатлеть каждое состояние природы, малейшее изменение. Ну, и самая милая его привычка, очень меня когда-то удивившая и прочно вошедшая в мой (и даже более – в семейный) обиход и лексикон. "Время яблочка" неизменно наступало в середине рабочего дня. Это значит, что нужно прерваться, отложить на время все дела и съесть яблоко, насладиться его вкусом и замершим моментом. В любой рабочей поездке за обедом Александр Иванович не изменял своей традиции, тихо улыбался и отрезал маленькие кусочки, вспоминая в это время о великом прошлом или вслух мечтая о будущем...

Пишу это, и параллельно в сознании вспыхивает ещё множество кадров,

историй, реплик, интонаций. Первый год моего пребывания в “НС”, последние тёплые дни осени, сижу в редакции и чем-то привычно занимаюсь. Звонок – Александр Иванович. “Яна, у меня для Вас рабочее задание. Немедленно отложите дела и прогуляйтесь по бульвару, погода просто невероятная”. Конечно, это было очень приятно, такая неожиданная забота и чуткость. Он вёл себя так со всеми нами: регулярно радовал женскую половину редакции шоколадками, делал комплименты, всегда замечал малейшие перемены во внешнем виде. “Ве-ли-ко-ле-пно”, – как бы пропевал он и всплёскивал руками. И хотелось действительно соответствовать этому “великолепно”, и день становился чуточку лучше.

И одновременно с этой расположенностью и учтивостью Александр Иванович Казинцев никогда ничего не говорил просто так, не льстил попусту. Снова вернусь на четыре года назад, в уютный кабинет первого заместителя главного редактора, куда я пришла забирать первые в своей жизни авторские экземпляры. “Александр Иванович, а как Вам мои стихи?” – задала я волнуемый меня на тот момент вопрос. “Плохо. Это всё не то”, – честно ответил он мне. Те, кто был знаком с Александром Ивановичем, знают, как искусно он умел подбирать слова и давать мягкие рекомендации. Но тогда он, видимо, понял, что мне нужна была правда. И это “плохо” не обидело, а только подтвердило и укрепило в выборе правильного пути. Спасибо Вам за ту правду, Александр Иванович. За всю правду, которой Вы со мной делились. Я постараюсь навсегда её сохранить.

Карина СЕЙДАМЕТОВА, поэт (Москва)

... Учителем моим он не был.

Познакомились мы впервые в 2010 году на международном Форуме молодых писателей в подмосковных Липках. Семинар журнала “Наш современник” вели тогда заместитель главного редактора, публицист и поэт Александр Казинцев и литературный критик Сергей Куняев. Первое, что сразу бросилось в глаза, – это какие-то невероятные интеллигентность, доброжелательность и такт Александра Ивановича. Более того, интеллигентность классическая, как “способность к пониманию другого, к восприятию, терпимое отношение к миру и к людям”. И если Сергей Станиславович где-то был экспрессивен, запальчив в разборе того или иного семинариста, то Александр Иванович всегда сглаживал острые углы литературных обсуждений, как бы подытоживая прения. Казинцев чувствовал необходимость поддержать молодого автора акурат в тот момент, когда особенно велик шанс оступиться, свернуть с едва обозначенного пути.

Были и ещё встречи – семинарские и редакционные. Когда в 2017-м я пришла в редакцию уже в качестве сотрудника, как раз Александр Иванович одним из первых меня поддержал. Рассказывал, как сам пришёл в журнал, будучи довольно молодым человеком. В журнал, служению которому отдал почти сорок лет своей жизни. Ведь редакция журнала – не просто рабочий коллектив, а своего рода шумная семья с ежедневным выяснением отношений, обсуждением ежемесячных планов, жаркой полемикой, интеллектуальными беседами, юмором, теплотой встреч. Но прежде всего – это слаженно работающий единый организм. Наверное, нет нужды говорить, что произойдёт, если взять и ампутировать какую-то часть этого организма. Справедливы слова, когда-то написанные Лией Киргетовой: “Если терпеть возможно, это ещё не боль”. Так вот, боль сейчас нестерпимая: Александр Казинцев был человеком из той когорты старой московской интеллигенции, ныне почти исчезающей как вид. Был... Не верится, что пишу о нём в прошедшем времени. Но запомню его таким, каким видела последний раз в минувшем августе, возвратившимся в редакцию после весьма значимой для него встречи: молниеносно взбежавшим по лестнице в приёмную, улыбающимся. Сиятельным и счастливым... А из нагрудного кармана казинцевской ветровки подрагивали луговые цветы.

... Он много ездил. Даже в этот непростой для всей страны год были и Овстуг, и Уфа, и Питер, и Белозерск. Именно командировка в Белозерск Вологодской области, где состоялось открытие литературного музея журнала “Наш современник”, по стечению обстоятельств оказалась для него последней. Те-

перь отчётливо вспоминается наш с ним телефонный разговор за пару недель “до”. Ничего необычного, обсуждали детали ещё предстоящей поездки, планы будущих номеров и... сама не понимая почему, стала вдруг читать ему строчки из стихотворения Дианы Кан “Купите ошейник, и я буду Вашей собакой/ <...> Весеннюю воду из лужи сиреневой пить”. На что Александр Иванович, рассмеявшись, ответил: “Карина, Вы не собака, Вы прекрасная птица!” Произносил он это как-то нараспев, ласково, спокойно. И задумчиво продолжал: “Только представьте... Под куполом цирка Вы будете птицей, а я на арене весёлым клоуном, развлекающим публику. Я буду постоянно падать, а все будут смеяться, смеяться!..” Вспоминаю этот разговор и плачу.

У русского поэта Анатолия Константиновича Передреева есть прекрасные и трагичные стихи, посвящённые памяти Александра Яшина:

СОВЕСТЬ

*Теперь спокойно Вам...
А мне
Печально...
Я помню Вас,
Я вижу Вас
Во мгле!
Хоть, кажется, встречались мы
Случайно
Всего лишь два-три раза
На земле,
И всякий раз мне виделось
При встрече —
Друг друга
Узнавали мы
С трудом,
Когда шумел
В разгуле красноречья
Меня и Вас объединявший
Дом.*

*Ничем души моей
Вы не касались,
Когда с прямой —
Подчёркнуто —
Спиной
Нетерпеливым путником казались,
Прислушавшимся
К ветру за стеной!*

.....

*...И вот теперь —
Страницы книги Вашей
Посмертные
И — узнанные вновь...
Я чувствую,
Всем сердцем
К ним припавши,
Какая
Вами двигала
Любовь!*

Безжалостные по своей точности чеканные строки...
Да, Вашей ученицей я не была, но Вы научили меня многому. И ещё, может быть, самое главное: Ваша печальная “птица” будет очень скучать по Вас!
Мы все будем очень скучать...

Мария ЗНОБИЩЕВА, поэт (Тамбов)

* * *

Памяти
Александра Ивановича Казинцева

*Снег — молитвенный, старинный, золотой...
Что останется за чёрною чертой,
За движением — “от света и на свет”,
За молчанием, раздавшимся в ответ?*

*Под седьмое, в прежний век какой-нибудь
Проложил бы русский барин санный путь,
Чтоб следить, как за верстой летит верста,
Как земля его становится чиста,*

*Он крестился бы на колокольный звон,
Он дивился бы на свет со всех сторон
И смеялся бы, не тронутый зимой,
И он верил бы, что это — путь Домой.*

*Белый путь — последний путь — великий тракт
Человеческих сомнений и утрат...
Скорбный ангел примет душу на крыло,
А оставшимся — подняться тяжело.*

*О сиротстве — если наш удел таков —
Будут плакать голоса учеников
По России, по степям и по снегам,
И по обским, и по волжским берегам.*

*Отгремели искромётные бои.
Только чудится: “Хорошие мои...
Как снега, слова у Господа тихи.
Остаются только люди — и стихи...”*

*То ли слёзы, то ли белая роса,
То ли в трубке телефонной голоса,
Но над чёрною земною пустотой —
Снег молитвенный, нездешний, золотой.*